18+

ЕЛИЗАВЕТА ЕВГЕНЬЕВНА
СОРОКА

СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД

МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Елизавета Сорока

Служебный вход. Мистический триллер

«Издательские решения»

Сорока Е. Е.

Служебный вход. Мистический триллер / Е. Е. Сорока — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-593093-4

Не все мы знаем о своей необыкновенной, особой ценности и не замечаем ничего вокруг, но мы для кого-то пешки, для кого- то добыча, а для кого-то короли. Марта Кристова избрана для смерти, но те, кто любит ее, выбирают жизнь. Борьба началась.

ISBN 978-5-00-593093-4

© Сорока Е. Е.
© Издательские решения

Служебный вход
Мистический триллер

Елизавета Евгеньевна Сорока

© Елизавета Евгеньевна Сорока, 2023

ISBN 978-5-0059-3093-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОРОКА ЕЛИЗАВЕТА.
«СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД»
Мистический триллер.

****

Посвящается светлой памяти моего соратника по фантастическим ощущениям Эдгара Аллана По. Приемыша, которого разлюбили.

«Да и кто не подивится,
кто с такой мечтой сроднится,
Кто поверить согласится,
чтобы где-нибудь, когда —
Сел над дверью говорящий без запинки, без труда
Ворон с кличкой: «Никогда».
И взирая так сурово,
лишь одно твердил он слово,
Точно всю он душу вылил в этом слове
«Никогда».
«Ворон».

«Ибо ночь темна и полна ужаса»
Дж. Мартин. Игра престолов.

– «Ты была внизу?
– Да и убежала оттуда. Там, холодно.»
С. Лем. «Солярис».

Холод пробирал до костей. Дрожащие от мороза пальцы не слушались и Марта никак не могла справится с телефоном. Автомат проглатывал монетку за монеткой. Марта бегала от будки к будке, но то никак не могла дозвониться, то разменять деньги, На последнюю мелочь она выпила отвратительные кофе на автобусной остановке, но это только сделало ее еще несчастнее. Плохой кофе дает стойкое ощущение покинутости и полного провала.

В этом году вообще был необычно холодный ноябрь. Снег начал идти еще во время парада. Поднялся ветер, Но демонстрацию не отменили и она, вместе с остальными размахивала бумажными гвоздикам под мелким ледяным снежком. Все ждали оттепели, но морозы крепчали день от дня.

Сегодня было уже двадцать третье ноября. Она не смогла заплатить за квартиру и придя домой обнаружила, что хозяйка сменила замки. Весь ее немногочисленный скарб – маленький рюкзак и большая спортивная сумка остались в квартире, а Веронике Львовне она никак не могла дозвониться. Марта начала чертыхаться уже охрипшим голосом. На самом деле девушка не знала, что ей делать. Завтра нужно было выходить на работу, но сейчас ей ночевать было негде. До общаги где жили ее друзья она не могла добраться. Общественный транспорт благополучно закончил работу, а на такси не было денег. Сегодня было уже двадцатое ноября. Она не заплатила за квартиру и придя домой обнаружила, что хозяйка сменила замки. Весь ее немногочисленный скарб – маленький рюкзак и большая спортивная сумка остались в квартире, а Веронике Львовне она никак не могла дозвониться. Марта начала чертыхаться уже охрипшим голосом. На самом деле девушка не знала, что ей делать. Завтра нужно было выходить на работу, но сейчас ей ночевать было негде. До общаги где жили ее друзья она не могла добраться. Общественный транспорт благополучно закончил работу, ну а на такси, конечно денег не было.

Марта решила спуститься в метро. Там, в переходе было хотя бы тепло. А ей нужно было погреться и немножко подумать. Подумать- это она вообще очень любила и частенько эта необычная для девушки особенность спасала ее в самых сложных ситуациях.

Марта зашла в вестибюль станции «Кузнецкий мост» и взобралась на широкий подоконник. Пройдя через тепловую завесу дверей ей сразу стлао легче и сейчас, рассматривая пустынную станцию, она начала придумывать версию, по которой ей необходимо остаться здесь. Она не знала как попросить разрешения переночевать в углу другого выхода она не знала. Эскалаторы работали только на выход и даже вечно недовольные бабки – контролеры уже покинули свой пост. Она была здесь чужая, на этой станции и в этом городе. Ей даже общежития не дали. Секретарь – завхоз деканата обещал помочь, но когда понял, что она не собирается сходить с ним в «кино». Просто кинул ее. Марта устроилась в кафетерий, на раздачу, денег хватило бы на комнатенку которую она сняла. Если завтра она не появится среди стаканов и бутербродов с колбасой, то останется без работы.

Приученная с детства к тому, что " Моя милиция меня бережет», она с тревогой, и надеждой взглянула на разбитую, и нервно подмигивающую вывеску " Опорный Пункт милиции». «Опорный» звучало обнадеживающе.

Дверь была приоткрыта и нелепый план, совсем детский, возник в голове девушки. Уровень просьбы был -«Дяденька, дяденька, я ключи потеряла. " ил не могу открыть дверь, помогите мне. Марта соскочила с подоконника и решила проникнуть в приоткрытую дверь Милиции. На минутку девушка, все таки заколебалась. Она оглянулась и посмотрела через огромное окна на улицу. Нет, там было темно и страшно. Все было завалено снегом, который, конечно, никто не убирал. Пара блеклых фонарей у входа почти не освещали метро. В арках у станции «Кузнецкий мост» всегда было невесело, а теперь Марта всматривалась в темноту и заметила, (а может ей и показались,) какие то странные вытянутые тени. Они совсем недружественно покуривали и поблескивали красными огоньками папирос. Марта поежилась. Даже смотреть на улицу было темно и страшно. Она снова обернулась на дверь милиции и все таки направилась туда. Проходя мимо поста контроля она глянула на свое отражение в выгнутых стеклах, но еле еле узнала в хрупкой, закутанной в два больших шарфа фигурке, себя Марту Кристову. Под разменным аппаратом валялось двадцать копеек. «Искушение находкой», усмехнулась девушка и не стала брать монетку.

Подойдя ближе и быстро проговорив про себя подготовленный текст «обращения», она толкнула дверь.

2.Комната милиции, как и любое учереждение было мрачным, скучным, и в отдаленном приближении даже напоминала деканат ее института. что милиция это не развлекательное мероприятие, ждать эстетики не приходилось.

Низкие потолки, оклееные старыми обоями с непонятными подтеками, стены, деревянные шкафы с бумагами. Еще наверное «Времен очаковских и покоренья Крыма». Два канцелярских стола, тоже не первой свежести, были накрыты изрезанными клеенками и тоже завалены какими то папками и бумагами. За одним из столов, спиной к Марте сидел мужчина в форме милиционера и пил чай их большой кружки.

Марта смущенно кашлянула и просто сказала, как обычно вежливо. С властью же надо быть вежливой:

– Добрый вечер, извините, вы не могли бы мне помочь.

– Заходи, заходи, коль пришла лениво протянул милиционер. Я давно за тобой наблюдаю. Даже вот решил чайку попить на тебя любуясь.

Милиционер оглянулся и улыбнулся застывшей в дверях Марте во весь свой огромный рот с красными губами на которых прилипли крошки хлеба, который он жевал. Марта подумала на минуту, что особого доверия он ей не внушает, но все же он был в форме и его " Макаров» почему был вынут из кобуры и лежал рядом с эмалированным чайником с цветочками.

– Бомжиха что ли? Или промышляешь? – сказал он отхлебнув из кружки

Марта решила вести себя решительнее. Обратной дороги не было. Если она побежит это вообще вызовет подозрения у столь опытного представителя закона.

– Меня зовут Марта Кристова. Я студенка. … Я потеряла ключи и у меня нет денег даже на дорогу домой. Вы не могли бы мне помочь?…Хоть чем нибудь., не зная, что сказать еще проговорила Марта. Про себя она уже решила, что это все ужасно, нелепо, бессмысленного, глупо и тысячу раз двусмысленно. Она уже вспомнила все телефоны по которым могла бы позвонить, что бы хотя бы сообщить где она.

Милиционер пристально оглядел ее, причмокнул и отпил из кружки

– Ну и чем я помогу тебе? оставлю ночевать в обезьяннике? Глаза его, маленькие голубые буравчики пристально вглядывались в смущенную и растерявшуюся девушку. Марте стало жарко в своих двух шарфах и она стала разматывать верхний из них, запуталась и выронила кошелек спрятанный в верхнем кармане. Милиционер оживился, он, не смотря на свой вес, ловко наклонился и поднял ее кошелек. Марта не успела ничего сказать, когда он уже раскрыл его и проверил наличность.

– Там ничего нет, поспешно сказала Марта, я могу позвонить кому нибудь? Я сейчас вспомнила телефон. Одного знакомого. Может быть за мной кто-нибудь приедет.

– На, звони, ответил милиционер, бросил ей обратно пустой кошелек и пододвинул красный заляпанный телефон.

– На, звони, ответил милиционер, бросил ей обратно пустой кошелек и пододвинул красный заляпанный телефон. Марта почувствовала себя уверенней. Она размотала свои шарфы, расстегнула куртку и дружелюбно улыбнувшись, напомнила —

– меня зовут Марта, а вас как?

– меня зовут Семен Иванович Водовоз. Капитан милиции. было видно, что Семен Иванович теряет интерес к ситуации и хотел бы избавиться от «спасения» потерявшейся девушки. Марта присела на краешек скрипучего стула и начала крутить разболтанный диск телефона. Она вспомнила пару номеров сокурсников с которыми, как ей казалось, у нее нормальные отношения. Длинные гудки в трубке звучали безнадежно. Ей никто не отвечал. Марта взглянула на капитана Водовоза, но не хотела сознаваться, что вряд ли ее кто то заберет.. Ее взгляд упал на большие казенные часы висевшие на стене и только сейчас осознала, что уже половина

второго ночи. Капитан перехватил ее взгляд и усмехнулся – ну да, Марта, поздновато звонить по друзьям.

– Я не знаю, что мне делать, пролепетала девушка, упавшим голосом.

– Когда друзья не отвечают остается звонить врагам, подмигнул Семен Иванович. Марта не знала, что у нее есть враги, но первое, ч то ей пришло в голову это вечно скорбное и недовольное лицо Вероники Львовны, дамы у которой она снимала комнатку. Две других комнаты в большой квартире были закрыты и как казалось Марте даже заколочены. Девушка внимательно посмотрела на капитана

– Мне некому больше позвонить. Может..вот только… и Марта начала набирать набивший оскомину номер грозной хозяйки.

Вместо длинных гудков, она услышала ее бодрый голос, будто Вероника Львовна и не собиралась ложиться спать, а сидела у телефона в ожидании звонка неплательщицы.

Я так и знала, -услышала Марта высокомерный голос хозяйки, -я постоянно сдаю квартиру каким то разгильдяйкам вроде тебя. Вроде приличная девушка, студентка, из Риги и такие безобразия!!

Марта покорно выслушивала все, что несла Вероника Львовна. Ей было все равно и не хотелось засыпать в отделении милиции. Девушка решила, что если старуха может помочь, то можно и потерпеть.

– Кто рядом с тобой? быстро спросила хозяйка.

– Милиционер.

– Хорошо, что не бомж! Как его звать? – брезгливо и одновременно раздраженно спросила хозяйка.

– Семен Иванович. Капитан Водовоз, удивленно ответила Марта. Ей почему то захотелось оправдываться.

– Дай ему трубку! -резко крикнула Вероника Львовна

У Марты от волнения так вспотели руки, что трубка чуть не выскользнула из рук.

– Это вас, сказала Марта протягивая трубку капитану милиции.

Тот принял телефонную трубку и громко представился:

– говорит Капитан милиции Водовоз. Да, добрый вечер,

– Да, Вероника Львовна. Я вас понял Вероника Львовна. Сделаем в лучшем виде вы только не волнуйтесь. Семен Иванович аккуратненько повесил трубку и дружелюбно, даже с какой то нежностью улыбаясь сказал:

– Вот ведь как, бывает. Ты счастливица, Бывают же такие удачливые девчонки! Капитан крякнул и подмигнул Марте.

– Сейчас за тобой приедет племянник Вероники Львовны. А мне сказано обогреть и накормить тебя, чем бог послал.

Покачивая головой, улыбаясь и бормоча сам себе, что то под нос Семен Иванович поднял со стула свое грузное тело и подошел к дверке с надписью “ Служебный вход». Усталая девушка наблюдала за ним уже обреченно и полусонно. “ Как же он за преступниками бегает, если он такой толстый?» подумалось Марте. Ее полусонный взгляд скользнул по полкам с «делами» и там она заметила маленькие нецке, смешные фигурки даосских божков. “ Странно, “-мелькнула случайная мысль в голове усталой Марты. Пузатые божки с вызывом сытых и довольных улыбались девушке.

Она не хотела показать усталости. К тому же она и правда была очень голодна. Она замерла на скрипучем стульчике с продавленным сиденьем, не понимая до конца, что происходит и как пациент начала ждать помощи. Ей показалось, что можно расслабиться.

Ее мысли вернулись к разговору толстяка капитана с ее хозяйкой. Водовоз и Вероника Львовна были знакомы? Их разговор был таким обыденным, неофициальным. Будто милици-

онер и ее квартирная хозяйка были давно знакомы и капитан отчитывался перед ней выполнял ее четкие распоряжения. О рапоряжениях Вероники Львовны она знала наверняка- это организованно, четко и не терпит возражений.

Марта молчала, но сейчас встала со стула и произнесла в широкую спину капитана Водовоза:

– Может и не стоит беспокоится, Семен Иванович? -робко спросила она, -Ведь за мной скоро приедут. Но исполнительный милиционер уже прозвенел тяжелой связкой ключей и открыл обшарпанную дверь с надписью " Служебный вход».

Громкий " пшшиик» неожиданно вырвавшийся оттуда, испугал Марту. Она отпрянула и у нее даже зазвенело в ушах. Девушке показалось, что что -то взорвалось там, за дверью, но звук скорее напоминал выпуск пара из компрессора. От этого неожиданно резкого звука Марта будто пришла в себя. Она встала и подошла поближе. Дверь с надписью " Служебный вход», которая казалась такой хлипенькой и страшненькой, оказалась мощной и тяжелой, напоминающей вход в бункер. Из двери дохнуло невыносимым холодом. Контраст с жарким воздухом приемной, «Опорного пункта милиции» был поразительным. Ей захотелось снова натянуть куртку. Она удивленно взглянула на капитана Водовоза, но тот копался в связке ключей, ища подходящий, и не обращал на нее внимания.

– Семен Иванович, это какой то тайный вход?, спросила Марта, растерянно,. ей хотелось пошутить, но причины не было. Она чувствовала себя странно и неуютно. Хорошие новости, что ее отсюда заберут, но плохие, что она не понимает, что происходит.

Хорошие новости, что ее отсюда заберут, но плохие, что она не понимает, что происходит. В какой то момент, который она явно пропустила, жизнь перестала быть привычной и обыденной, а она пыталась прожить ее так как прежде.

По возмущенной ее наглостью, спине милиционера девушка поняла, что сморозила глупость. Капитан недовольно посмотрел на нее из под старых очков. Их дужки были связаны резинкой и криво и нелепо сидели на носу Семена Ивановича. Когда он успел их надеть? Капитан поправил очки, серьезно взглянул на Марту и продолжил копаться в связке ключей. Марта смотрела на это все и не верила своим глазам. Девушка хотела найти нормальные, естественные причины событий, но то, что происходила будто говорила ей, что нормальные объяснение остались где то далеко, там, где она не успела внести деньги за комнату Вероники Львовны.

Марта привстала на цыпочки и попыталась рассмотреть» служебный вход». Оттуда как она предполагала и придет спасение или то"что бог послал».

Но, в открывшейся перед ней двери, она как раз и не увидела пресловутого служебного помещения.

Все знают, что нет ничего скучнее и нелепее служебного помещения, этакого вечно пыльного места с плохим освещением, швабрами, тряпками и личными вещами служащих. Настоящих и бывших. Вместо всего этого Марта увидела кирпичные стены, путевой фонарь в клетке при входе, мигающий красноватым светом и веревочные перила лестницы уходящие вниз.

– Иду- иду. Уже бегу! услышала оттуда Марта женский, дребезжащий голосок. Она не врач, но определила сразу, что голос был с одышкой и покашливанием. Так дрожит голос у курильщика, который торопливо бежит по лестнице.

Девушка потерялась в своих ощущениях. Она не знала радоваться ей, что все хорошо кончается или огорчаться. Чему?. Да, все казалось обыденной историей, сложной, но решаемой историей. но события дальнейшие события шаг за а шагом лишали ее уверенности в реальности происходящего.

Дребезжащий голосок из недр подвала или погреба или какого то хода метро, (тут Марта совсем запуталась) оказался голосом маленькой, сухонькой старушонки.

Когда та, держась за толстые канаты перил, взобралась наверх, то девушка увидела, что старушка одета в большое зеленое пальто, явно ей не по размеру, с большим лисьим воротником. На голове ее была вязаная шапочка с пришитыми к ней вишенками. Голова у старушки тряслась и вишенки подпрыгивали при каждом ее движении

– Семену Ивановичу, привет и наше почтение, – широко улыбаясь бледными губами, проговорила она. Уж не чаяла свидится до Нового года

.Водовоз довольно усмехнулся и ворчливо ответил:

– И вам наш искренний поклон, Милица Павловна. Поступил заказ. – Старушка внимательно склонила голову на бок, явно заинтересованная. Семен Иванович полностью закрывал собой маленькую фигурку Марты и тут сделал шаг в сторону и иронично представил ее —

– Вот, Марта. Растеряха, без денег. Дан приказ накормить чем Бог послал. За ней приедет племянник Вероники Львовны. -,многозначительно и торжественно констатировал Водовоз.

Марте снова стало холодно в этой жарко натопленной комнате. Показалось, что ледяной ветер вдруг дохнул на нее. Девушка зябко вздрогнула и потянулась за шарфом, но не обнаружила его на стуле рядом.

Милица Павловна, улыбаясь подошла поближе. Казалось, что она кланяется, но увидев ее вблизи, девушка поняла, что старуха- горбунья и ее скрюченное тело вряд-ли когда нибудь распрямиться. Она приблизилась свое изможденное, желтоватое лицо к лицу девушки и Марте в нос ударил какой то неприятный сладковатый старушечий запах. Она отпрянула, но не хотела оказаться невежливой со своими спасителями, и улыбнулась примирительно,.

– Милица Павловна, добрый вечер. Меня зовут Марта Кристова. Девушка дружелюбно протянула руку старушке и та цепко ухватилась за нее. Руки Милицы Павловны были сморщены как две высохшие ветки и одеты в митенки из колючей козьей шерсти. Марта видела такие не раз. Около станций метро, на стихийных базарчиках часто продавали такие митенки, варежки и носки, какие то хамоватые цыганки. Марта брезгливо хотела выдернуть руку, но старушка жестко вцепилась в нее, перевернула и водя когтистым пальцем другой руки по ладошке девушки – быстро начала шептать.

«Вижу вижу. дальняя дорога, погоди немного, будет и тревога. Поедешь-дойдешь до порога будет и слез и радости много».

– Замолчите! Зачем вы!!, Марта выдернула руки и стала искать глазами Водовоза. Старушка была явно сумасшедшая. На вокзальную цыганку она похожа не была, но вела себя так же, по дурацки навязчиво. Милиционер стоял у Марты за спиной и держал в руках ее куртку и шарфы.

– Ты чего испугалась, дурочка? Милица Павловна тебя и накормит и напоит, а там и племянник подъедет. Семен Иванович снял со стены тусклый фонарь и сунул в руки Марты.

Девушку и правда охватила тревога. Все это время она совсем не боялась, скорее раздумывала чем все это закончится Теперь, при свете путевого фонаря с красноватой лампой, лицо Милицы Павловны стало угрожающим, а Семен Иванович стал подталкивать ее к двери входа. Марта не была трусихой и не могла понять, что с ней сейчас происходит, почему вдруг ей стало страшно.

– А можно я еще разок позвоню? Может и не нужно так беспокоить племянника Вероники Львовны? – отступив назад с бьющимся сердцем проговорила девушка.

Водовоз рассмеялся и почти нежно обнял ее за плечи одновременно накинув на них куртку.– Счастливого пути, Марта, девушка без отчества и фамилии! -сказал он и решительно подтолкнул ее к лестнице.

Марта заглянула вниз. Милица Павловна стояла на лестнице, на несколько ступенек ниже и протягивала ей свою лапу. Никак по другому эту высохшую руку назвать было нельзя. Марта подняла фонарь повыше и стала медленно спускать вниз за старушкой, даже не пытаясь при-

коснуться к этой когтистой лапе. Она не боялась упасть, хотя лестница была очень крутая и не смотрела по сторонам.

Марта считала себя смелой, отчаянной и безрассудной. Из всех этих определений у нее, сейчас осталось только последнее. Ее жизнь перестала напоминать приключенческие романы, а свернула в какой то триллер, как велосипед в канаву. Девушка не могла признаться своим спасителям, что ей страшно, что она не доверяет им. Ей хотелось повернуть назад и выбежать на мороз, обратно. Глотнуть свежего воздуха и забыть это странное приключение. Где то наверху, за ней с грохотом закрылась дверь служебного входа., а Милица Павловна оглянулась и улыбнулась Марте, вероятно одной из самых своих очаровательных, беззубых улыбок.

– Как тебя зовут? Марта, говоришь? не врешь? Имя какое то нерусское.

– Я из Риги. Я студентка, ответила Марта-.А Марта, кстати по русски – Марфа. Ничего необычного.

Старушка фыркнула и резко открыла серую дверь.

– Добро пожаловать, детка, вкрадчивым и немного дребезжащим старческим голосом сказала Милица Павловна.. Заходи, голуба, сейчас я тебя угощу. и Марта зашла в серенькую дверь вслед за старушкой.

Комната напомнила ей какие то погреба. В ее родной Риге такие погреба были под каждым домом в центре города и в них часто устраивались маленькие кафешки или магазинчики. «В Риге ночью все таки не так страшно как в Москве.», решила Марта

и осмотрелась

В комнате были низкие потолки, слабое освещение и всепроникающий прелый запах сырости.

Стены были выложены кирпичом, кое где беленым, но штукатурка отвалилась и в прорехи виднелись старые стены. Шкаф и шкафчики, полочки и столики были уставлены коробками и бутылками. В странной нише, наполовину прикрытой старым посудным шкафом, она заметила какую то статую, напоминавшую будду. На голове у статуи была надета шляпа. Марта поставила свой фонарь на пол при входе и села на диванчик. Маленький диванчик скрипнул и пошатнулся, девушка испуганно вскочила и заметила, что вместо ножки у диванчика подложены отсыревшие книги. Она пересела на маленькую табуретку и оказалась напротив входа в еще одну комнату, в конце которой она увидела еще одну дверь. Над этой дверью висел такой же путевой фонарь, как тот, который ей дал Водовоз.

Хлопнула дверь холодильника и Милица Павловна начала выгружать оттуда банки с едой, греметь чайниками и кастрюлями. Старушка давно сняла свое неимоверное зеленое пальто, но осталась в шапочке с вишенками. Под пальто у нее было надета вязаная кофта с деревянным пуговицами и юбка в клетку, которая вся была покрыта разноцветными заплатками. Вся эта одежда тоже была ей до нелепости велика.

Старушка суетилась возле старенького холодильника. Она открывала и закрывала дверцы, переставляла посуду, звякала банками, что то приговаривая иногда косясь на Марту. Но она ничего не готовила. Милица не разожгла ни старенькую плитку, не вытащила из холодильника обычную для москвичей еду- колбасу, сыр и хлеб, не включила блестящий чайник со свистком.

– А скоро за мной приедут? как то безнадежно, упавшим голосом спросила Марта. Она не ждала ответ. за грохотом кастрюль и хлопаньем дверцы холодильника она бы его и не услышала. В комнате с низкими потоками звук давил еще сильнее. На мгновение ей показалось, что за ней никто не приедет, но она гнала нелепые мысли и даже улыбнулась старушке. Марта надеялась хотя бы на бутерброд с колбасой и чашку с чаем. Но не видела на кухонном столе ни того ни другого.

– Приедут- приедут, когда доедут, – скороговоркой проговорила та и ее плечи затряслись от беззвучного смеха.– Она быстро подошла к Марте и сунула ей в руки стеклянную банку

с каким то рыжим варевом. Это было то, что у домохозяек называется " закрутка». На Марту дохнуло вонью томатной пасты и жареных баклажанов. Все это она терпеть не могла, и с отвращением заглянула в банку.

Внезапно улыбчивое и даже подобострастное, лицо Милицы Павловны стало серьезным

– Заказ от Вероники Львовны поступил – тебя накормить. – Вот кормлю, – Заказ это хорошо, – продолжала старушка, гремя посудой, – заказ это значит «Жить будем!!» и она снова рассмеялась каким то неестественным смехом. Милица Павловна разговаривала размахивая руками и объясняя что то какому то своему невидимому собеседнику. Марта с опаской посмотрела на старушку

«Все таки она ненормальная, надо быть поосторожнее», решила девушка. Руками машет, сама с собой разговаривает. Даже ложки не дала.» Марта не стала просить и встала, чтобы взять ложку с полки, но старушка ловко опередила ее и первой выдернула ложку из стеклянной банки.

– Сиди, я сама тебе все подам, – ворчливо пробухтела хозяйка подвала. Сейчас уже и племянник подъедет.

Марте уже расхотелось ждать племянника. Она никогда не слышала ни о каких племянниках Вероники Львовны. Но есть ей не расхотелось и хоть она терпеть не могла консервы, но все таки начала запихивать в рот все это варево гнутой алюминиевой ложкой.

– Почему племянник не может подъехать к станции «Кузнецкий мост»? почти не жуя и быстро заглатывая склизкие баклажаны спросила Марта, И как вообще его зовут? Кто такой этот племянник? Просто «племянник»? Звучит как ник или кличка. Девушка отставила опустошенную банку и опустила в нее ложку -Ведь придется снова возвращаться наверх.– пожала плечами Марта – Он же наверняка на машине. Уже глубокая ночь.

– Не придется.– усмехнулась старушка, -Отсюда короче. Марта удивленно взглянула на нее. Мимика ее новой знакомой была настолько подвижна, что девушке показалось, что она смотрит мультфильм в ускоренной версии.

– И вообще девочка, ты задаешь столько вопросов.! Внезапно выйдя из себя сказала Милица Павловна – В твоем положении лучше помолчать да радоваться, что сухой из воды вышла! Сморщенное личико ее покраснело и стало как то неприятно подрагивать.

Марта растерялась. Она совсем не поняла в чем ее обвиняют.

– Ключи она потеряла! Ах, ты врушка! – злобно взвизгнула Милица Павловна.

Марта настолько опешила от этих криков, грубых и несправедливых, что не знала, как ответить. Да и стоило ли отвечать незнакомой полоумной старухе со странным именем Милица, которая кормила ее консервами в каких то подвалах московского метрополитена?

Марта искала реальные объяснения этой ситуации, как любой вменяемый человек отрицает НЛО, даже если оно зависло у него во дворе. Милица Павловна была явно неадекватная. руки старушки подрагивали и голова тряслась. Вишенки на шапке позвякивали

Марта недолюбливала бабушек еще со школы, а они тоже со школьных лет не оставляли ее без своего неусыпного внимания. Она помнила как они гоняли ее с друзьями с «чужих» качелей и шипели вслед ненужными замечаниями Историю своей жизни она совсем не хотела рассказывать этой скандальной бабке. Марта сама начала злиться и решила больше ничего не говорить, а подождать загадочного «племянника», который по словам Милицы, был «спаситель Зорро» для девушки потерявшей ключи..

– Я не врушка, поморщилась Марта, то ли от раздражения то ли от этого сладковатого старушечьего запаха, которым была наполнена комнатушка. Слово «врушка» показалось ей каким то детским и глупым. Так говорят только обиженные дети.

Марта встала и от нетерпения скуки решила получше рассмотреть подвал в котором оказалась. В конце концов она всегда так делала в незнакомом доме. Вообще то это был этикет и признак вежливости. А ей хотелось остаться вежливой в любой ситуации.

– Сядь, где сидела, – резко одернула ее старуха.

– Я не хочу сидеть, -ответила Марта, не хо-чу! Открывайте дверь, я вернусь наверх. Что за ерунда! Девушка опять вскочила и схватила свои вещи.

Милица Павловна с необычной для пожилой женщины прытью, подбежала к ней и с силой посадила на шаткий диван.

– Не трогайте меня! не узнавая свой голос закричала Марта, -отпустите меня Сердце ее колотилось. Она была ужасно напугана. Старуха сжала худые плечи Марты и удержала ее на скрипучем диванчике.

– Молчии! зашипела она, -Он уже здесь! Она тряхнула Марту и отпрянув, отдернула руки, которые цепко держали плечи девушки. Лицо ее внезапно переменилось Старуха притворно сладко улыбнулась. – Вот вы молодые, какие вы нетерпеливые.

От ярости и злобы Милицы Павловны в один миг не осталось и следа. Послышался зум дверного звонка. Обычный звук стандартного домашнего звонка, который можно слышать “ на всех лестничных площадках» страны.

Милица Павловна сразу бросилась к двери, но вернулась, вытянув губы посмотрела на свое отражение в до блеска начищенном чайнике и потом снова, уже чинно и размеренно отправилась к двери под фонарем.

Ошеломленная Марта замерла на расшатанном диванчике и не сводила глаз с двери. От усталости, тревоги и страха у нее кружилась голова и путались мысли. Она непроизвольно сжимала и разжимала руки, нервно похрустывая костяшками.,была у нее такая дурацкая привычка.

Старуха напугала ее Теперь девушка уже не могла понять радоваться этому звонку в дверь или наоборот, – вскочить и бежать со всех ног обратно, наверх. Краем глаза она покосилась на дверь через которую попала сюда и увидела в замке связку ключей с большим брелком, который она не могла рассмотреть издали. Потом Марта перевела взгляд на затемненную комнатку, туда, куда юркнула старушка. “ Выбор? подумала девушка, Из чего выбирать? Вернуться в ментовку или выйти с незнакомым человеком, но все же отправится в знакомое место? Ну все же нормально, за мной приехали. Пусть и от Вероники Львовны.»

Путевой фонарь над дверью загорелся ярким светом, а в дверь звонили настойчиво, не переставая. Трели звонка заполнили собой все вокруг. Марта видела как Милица с трудом открывает большую, тяжелую задвижку, пыхтя и визгливо покрикивая – Да, да, уже открываю. От волнения у старухи дрожали руки и она никак не могла сдвинуть тяжелую щеколду.

Марта встала и стараясь сохранять невозмутимый вид начала одеваться, ведь это за ней приехал племянник. Закончился этот безумный день. Но что то дрожало в ней тонким голоском, каким то неясным беспокойством. Она поняла, что ее руки тоже дрожат. Одеваясь она не сводила взгляд с двери, фонаря, и суетящейся старушки.

_____

Тот кого называли племянником был высок ростом и как ей показалось издали, широк в плечах. Он был одет в длинную, явно дорогую, дубленку. Такой в Москве не купишь и большую шляпу с опущенными полями. С полей шляпы ссыпался снег. “ Он же на машине», мелькнула мысль у Марты -неужели такой снегопад?. Сначала она подумала, что он в маске, но это был широкий объемный шарф несколько раз обмотанный вокруг шеи. ОН закрывал всю нижнюю часть лица. Марта почему то сразу обрадовалась увидев этот шарф. Он был точно такой же как и у нее. Обычный шарф, купленный в обычном магазине. Марту это успокоило. Все было привычно и уже совсем не странно.«Да все нормально, подумала Марта, обычный человек, племянник Вероники Львовны. Все хорошо. Еду домой.».

– Вот-говорила «племяннику “ Милица Павловна указывая острым пальцем в сторону Марты, – Гляньте только, девушка Марта. Вас дожидается. Накормлена, напоена, все как велено.

Она суетилась, старалась заглянуть в глаза вошедшему, но как раз лица его невозможно было разглядеть Мужчина властным жестом отодвинул старушку, сунув ей в руку свернутые купюры,

– За беспокойство, – низким голосом бросил он.– Вероника Львовна благодарит.

Рассматривая вошедшего мужчину Марта почти и не слышала раболепных причитаний Милицы Павловны.

Марта скинула с себя оцепенение и широко улыбаясь шагнула навстречу «племяннику " Вероники Львовны. Сама светская любезность. Ее так научили еще в детстве бабушка с дедушкой. Это было не принято вспоминать и обсуждать, но были они из лифляндских баронов и умение вести «театральную» светскую беседу осталась у них навсегда.

– Привет, я Марта Кристова. Я у вашей тети комнату снимаю. Ужасно жаль, что вы так беспокоились, ехали сюда среди ночи. Извините. Девушка говорила быстро, одновременно надевая куртку и наматывая свои шарфы. – Я за комнату заплачу, честное слово. Я как раз на работу устроилась и родители пришлют… может быть, – как то сразу упавшим голосом закончила она. Врать она не хотела. На родителей надежда была слабая. Отец давно болел и мама вкладывала все деньги в его лечение.

Марта всматривалась в лицо племянника, но не могла " поймать» его лицо и списала это на плохое освещение. " Командор, ни дать ни взять. Человек без лица», подумала Марта. Застыл как мраморная статуя» Ей хотелось быть как всегда, оживленной и непосредственной, но что то не получалось. Будто все чему она научилась и все к чему привыкла, исчезло в этом подвале, в этих сырых стенах и в этой вонючей банке из под баклажан.

– Приятно слышать.– наконец произнесла «статуя». Спокойно и значительно. – Я племянник вашей хозяйки Лексерович, Алексей Ильич. Он поднял вверх руки затянутые в кожаные перчатки и приподнял шляпу будто представляясь. Из под опущенных полей на Марту взглянули два холодных внимательных голубых глаза. Это все, что она успела заметить. Марта не была застенчива, но пристальный взгляд племянника заставил смутиться. ЭтоКак будто электрический разряд прошел по позвоночнику бросив в жар. " Не могу разглядеть его, а вот он с меня глаз не сводит», подумала Марта.

Она не могла определить возраста племянника и не знала как себя вести. Говорил он низким хрипловатым голосом, а глаза были явно молодые. Представился по имени отчеству. Никто из ее сверстников такого никогда не делал. Роскошная дубленка. Ну конечно он из семьи партийцев или ученых. Докторов наук, или просто докторов, сыронизировала Марта.

– Пойдемте, Марта Андреевна, время позднее. Машина недалеко. Племянник почтительно взял ее под руку, но Марта вырвала руку и направилась к двери под фонарем. У двери стояла Милица Павловна и пересчитывала деньги. Она разложила их на маленьком лакированном столике расписанном под «хохлому» У Марты такие столики были в детском саду. С тех самых пор Марта эту самую «хохлому» и ненавидела. Старушка перекладывала купюры из кучки в кучку, переворачивала их и вздыхала. Марта брезгливо посмотрела на нее, но все же попрощалась

– Прощайте, Милица Павловна, надеюсь мы с вами больше не увидимся. Она не узнала сама себя. Марте ее собственный голос показался надменным.

– Да век бы тебя не видать, голубушка, притворно засмеялась старушка. Она задрожала всем телом и вишенки на ее вязаной шапке затряслись мелко позвякивая как колокольчики. Марте стало еще противнее, она оглянулась на Алексея Ильича. Тот стоял у нее за спиной и жестом показывал, что надо открыть дверь и выйти. Марте показалось, что он улыбается. Над стеной замигал путевой фонарь в заржавленной клетке Она пожала плечами и дернула ручку двери. За открытой дверью и прямо из под ее ног, с мерзким визгом разбежалась стая крыс. Завоняло сыростью, грязными тряпками и канализацией. Она вскрикнула и от неожиданности сделала шаг назад, но за ее спиной, скалой высился «племянник». Ей показалось, что он будто

вырос за эти минуты и стал больше и шире в плечах. Его рука метнулась у нее над головой и стены осветил голубоватый свет электрического фонарика.

– Испугалась? дружелюбно спросил он, -Я предлагал тебе руку, но ты же самостоятельная и сама все знаешь, – усмехнулся он. Голос ей показался знакомым, но Марта снова отогнала эту мысль

– Шагай вперед. Он легонько толкнул ее в спину.

В абсолютной темноте вонючего коридора, фонарик освещал не больше полутора метров пути. Она осторожно сделал несколько шагов и остановилась.

– Куда идти? Нам же наверх нужно поднятся? -стараясь сохранять спокойствие и не забывая свою знаменитую логику спросила Марта. Внутри у нее все дрожало. Она понимала, что шагнув в дверь опорного пункта милиции она шагнула в бездну другой, параллельной и скорее всего криминальной, жизни мировой столицы по имени «Москва.»

– А нам теперь только вперед- ответил племянник, -.Слышишь вода шумит? Там мостик, перейдем и сразу к машине. Марта услышала в его кажущимся спокойным голосе, нотки беспокойства

Марта прислушалась и действительно услышала еле уловимое журчание воды. Она пошла на звук Алексей Ильич шел сзади и освещал дорогу серебристым фонариком.

– Вот мостик, и вот выход, смотри внимательно, -сказал он указывая лучом вперед. Это кратчайший путь. Поверь. Марте показалось, что он говорит с ней как с ребенком, показывая очевидные вещи. Она промолчала только потому, что нельзя фыркать на спасителей.

Впереди через узенькую подземную речку, наполовину спрятанную в большой трубе, был перекинут самодельный мостик из разломанных деревянных ящиков. Марта бросилась вперед. Она быстро перешла по шаткому мостику и сразу же наткнулась на дощатую дверь. Через неровно пригнанные рейки можно было рассмотреть улицу. Марта дернула хлипкую ручку дощатой двери и быстро вышла.

Перед ней была зимняя московская ночь. Заметенные снегом дорожки, блеклые, еле горящие желтоватые фонари. Каким то образом она вышла из двери, которая вела прямо на Лубянскую площадь и Железный Феликс в снежной шапке высился прямо перед ней этакой стелой площади Конкорд. Ни машин, ни тем более людей. Мощное здание КГБ как цитадель жизни страны высилась мощным неприступным бункером.

Марта стояла в этой свежей морозной ночи и не могла отдышаться. Ей казалось, что все время, проведенное ею под землей она провела затаив дыхание. Затхлость и сырость подвалов, старых вещей и гнилой речки, все осталось позади. Девушка тихонько рассмеялась. Ну, теперь все -она в Москве. Она спасена. Спасена? От чего? Что ей угрожало, кроме ночевки на улице. Онам засмелась своим нелепым страхам. В конце концов это глуо Патрули ее все равно бы подобрали. Но все закончилось лучше, чем она предполагала..

Марта запрокинула голову и по детски ловила снежинки ртом.

– Пойдем скорее, подбежал к ней племянник. Марте показалось, что он запыхался, будто пробежал пару километров, хотя ему, было просто нужно выйти из той же дощатой двери. Он низко наклонился к ней, первый раз как то особенно. Он был заинтересован, что то хотел сказать, но молчал Она снова. почувствовала то самое, какое то электрическое напряжение, но как всегда не подала виду. В своей шкале ценностей она сразу определила его в категорию “ Странный, но милый». Сейчас в свете ночных фонарей Марта, наконец, разглядела его лицо. Молодое и старое одновременно Такое бывает? Ясные глаза, лохматые брови, покрасневший от мороза, довольно изящный нос. Марта все еще не понимала как разговаривать с человеком ни возраста ни статуса которого она не может определить. В дрожащем свете фонарей его лицо постоянно менялось. Марте показалось, что она ошиблась и глаза у племянника совсем

и не голубые. Иллюзия ночного света и его лицо будто перетекало одно из другого, и глаза казались разного цвета. Он смотрел на нее радостно, как смотрит человек, который наконец то получил то, что хотел.. Шарф на подбородке покрылся льдинками от его дыхания и когда он поправил его, Марта увидела острый подбородок племянника и белый шрам на щеке.

– Молодец! возбужденно шепнул он девушке, на ухо, – просто молодец! -Скорее к машине! Бежим!

«Странный! Что за таинственный шепот на пустой улице в пустой ночной Москве» подумала Марта.

Алексей решительно обнял ее. Она утонула в его руках, смутилась и отвернулась от взгляда. Он показал на большую черную роскошную «Волгу» в сизых клубах выхлопа. Такие блестящие представительские машины она видела только издали, у помпезных правительственных зданий Москвы. На Лубянке такая машина была самое то. Ряд черных блестящих машин, готовых в любую минуту сорваться с места окружал это неприступное здание. Цитадель в которую многие входят, хлопая тяжеленными дверьми, но не многие выходят. Во всяком случае, через парадный вход.

«Волга»,как символ статуса и непозволительной роскоши, смотрелась как обещание лучшей жизни и поблескивала красными поворотниками, утопая в клубах пара.

Их ждали. И видно ждали давно, раз шофер не жалел аккумулятора стараясь согреться. Марта так не поняла зачем бежать, но послушалась и не смотря на смертельную усталость рванула как могла.

Племянник распахнул дверь и Марта плюхнулась на заднее сиденье. Часы с фосфоресцирующими стрелками на приборной доске показывали 3—44. «Это уже утро, – безнадежно подумала Марта. Как я пойду в свою „Бутербродную“? Не приду – уволят. Уволят- выкинут из квартиры совсем. И никакой племянник не поможет». Безысходная тоска снова тяжело навалилась на нее.

В салоне «Волги» было жарко и душно. Девушке сразу захотелось снять шарф. "Я весь вечер то одеваю его, то снимаю. То ненормальный холод, то дышать нечем. Да, что это за день! А кстати что это за день?» – мелькнуло в её голове, – 21 ноября, а снега навалило как зимой».

– Ну вот и ты! -буквально заорал ей в лицо шофер, пока она разматывала толстый шарф. Он обернулся и дохнул на нее сладковатым луковым запахом домашних котлет.

– Мы гнали как сумасшедшие, Хозяин кричит – не успеем, а я ему -«Не боись, Луна еще высоко!!». Широкая рожа шофёра лоснилась от жира и в полумраке казалась головой целлулоидной куклы. Лицо с крупными порами вокруг красного носа, жуткий запах и небритость не соответствовали роскошному салону «Волги» обтянутой светлой кожей. Он протянул Марте широкую ладонь.

– Борис Львович, представился он. Марта слабо улыбнулась, но не стала пожимать ему руку.

– Марта.– кратко ответила она и откинулась на сиденье.

Алексей садиться не спешил. Он ходил взад- вперёд около машины и курил. Она нетерпеливо смотрела на него через окошко, но не хотела торопить Она рассматривала большие бронзовые пуговицы его дублёнки, которую он, несмотря на мороз и не думал застёгивать. На пуговицах виднелись какие то гербы или знаки, но Марта не могла рассмотреть их. Племянник постучал по окошку и знаком приказал шофёру выйти. Борис Львович молча кивнул и выбрался из машины. Марта устало прислонилась к стеклу. Ей вдруг стало все равно, что говорят и что происходит. Девушке хотелось спать и очень хотелось пить. Безумная Милица Павловна накормила ее своей солёной закруткой, но не дала даже чашки чаю. Когда Марта уже начала дремать, двери машины резко открылись, одновременно с двух сторон. Алексей Ильич,

дыша свежим морозным воздухом уселся рядом с ней, шофер на свое сиденье и машина наконец то тронулась с места.

Она увидела приглушенные ночные витрины «Гастронома №1», и поняла – выехали, что они выехали на Лубянский проезд и, едут в сторону проспекта Мира.

Домой, скорее домой.

Комнату она снимала в районе ВДНХ. Точнее в Останкино, совсем недалеко от Шереметьевского дворца. Она наблюдала его из окна кухни каждое утро.

Тогда, в далеком теперь августе она повелась на этот романтичный вид. Были предложения и лучше и дешевле, но для нее, прожившей всю жизнь в историческом центре Риги хотелось что то похожее, историческое и уютное. Останкино было районом престижным, но с самым ужасным телесигналом. Близость останкинской башни не помогала, а мешала смотреть телевизор. В квартире было две комнаты, но одна была закрыта и хозяйка сдавала только большую.

Первый московский сентябрь Марты был прекрасен. Золотой парк, статуи нимф белеющие сквозь золотую листву и сияющие в янтарном солнце осени. Потом начались проблемы с, деканатом, учебой, а промозглый ноябрь отнял последние деньги,. Папа заболел и мама не стала посылать ей тех копеек, что обещала.

«Дурочка, – думала она сейчас, на что я рассчитывала? – Было же понятно, что для студентки это дорого».

– Вероника Львовна велела привезти тебя к ней сразу же, – мягко и немного неуверенно сказал племянник. Марте показалось, что он принимает какое то импульсивное решение, что то явно его смущало. – Тетя хотела поговорить, хотя нет, -он раздраженно мотнул головой, скорее договориться. Но время уже позднее, даже для старухи с бессонницей. У меня есть новый ключ от замков и я доставлю тебя на Аргуновскую. Зови меня Лекс. Меня так называют все.

– А как же “ племянник»? – устало улыбнулась Марта. Он ей нравился или скорее она не чувствовала угрозы. Что то в племяннике по имени Лекс было влекущее и вызывающее доверие.

– Это только для тетушки и семьи, -ответил он.

Марта молча кивнула. Слово “ доставлю» позабавило ее. “ Я посылка, а он почтальон Лекс. Имя звучит как сургучная печать.». Глаза у нее слипались. Она будто сквозь сон уже смотрела на «племянника». Алексей сидел совсем близко, как в общем то все сидят в машине, и ободряюще улыбался ей. В темноте салона она с трудом могла разглядеть его, но ей очень хотелось спать. Марта как то просто, бессильно наклонилась в его сторону, положив голову ему на плечо и заснула. "Дублёнка у него совсем новая, подумала она засыпая, – дорогой запах новой кожи.»

****

«Такая тишина. Счетчик тикает как метроном. Занимаюсь музыкой всю жизнь и ненавижу метроном. У нее даже в личной машине тикает счетчик. Львович опять нажрался. Эта всепроникающая луковая вонь.. Ох, тетушка, каковы ваши котлеты с лучком. Неизвестная силы зимы. Вчера видел как Сим, виляя хвостом, сожрал вашу котлетку и заснул на сутки. Марта спит. Спит как вы и хотели. Спит и не видит, что спит у меня на коленях. Маленькая усталая девочка. Хотя девятнадцать лет здесь, в России, это уже взрослость.

Твой монстр держит тебя за горло, дорогая. А кто твой монстр? Хочешь я расскажу тебе, кто твой монстр? Тот кто не живет как ты. Кто не надеется, кто не любит. У тебя есть все это и это можно у тебя забрать. Поверь, малышка, это дороже денег. А ты монстр для тех кто не знает, что такое надеяться верить и любить. Мы два мира и иногда мы встречаемся. Не в самых лучших обстоятельствах. Прости.

Ночной Проспект Мира. Когда улицы завалены снегом, то столицу и не отличить от Смоленска. или другого города. РФ. Блестящие сугробы, желтые фонари и подсветка закрытых

гастрономов с красными огоньками сигнализаций. В витринах огромные пластиковые колбасы и ветчина. Новогоднюю иллюминацию еще не включили. Это же ноябрь. Очень снежный ноябрь.

В этом городе никто не убирает снег. Его просто утаптывают до наста. На дороге его скатывают машины и вонючие, желтые кишки автобусов. Я знаю, с утра выйдут дворники с большими железными лопатами. и начнется этот бесконечный -«вжих». Здесь вообще не ценят железо. Здесь вообще ничего не ценят, мне кажется. Все обыденность. Рутина.

– Борис Львович, ты гонишь! Сейчас остановят!

Я хватаю ее за плечи. Чувствую их хрупкость даже под этой огромной курткой. В моей любимой Вене такое уже не носят, а здесь хит-сезона. Она так глубоко спит, что не почувствует, даже если упадет на пол. Львович хохочет. Рожа в разорванных сосудах. Все тетушкины настойки! – «Кто ж нас остановит пока Луна близко!! И-о-хо! “ Добрый и жадный. Или злой. Не знаю. За последние три месяца он стал для меня дядькой. На все готовый денщик, при скучающем капитане. Три месяца подготовки к это незабываемой встрече. Все подозрительно просто. Меня настораживает эта простота. Я смотрю в окно машины, на темные улицы. Останкинская башня не выглядит вблизи такой огромной. Просто серое устрашающее здание с вечно открытым зевом опор. Стратегический объект. Что у них за странная любовь в серому. Железо, сталь, бетон. Красные изжили красное. Как тупо.

Луна, действительно сегодня особенно близко. В темноте московской ночи Шереметьевский дворец выглядит не музеем, а покинутым домом и уже не кажется таким изящным в свете фонарей. Статуи парка спрятаны в ящики до весны. Красота забитая в ящик. Я всегда смеялся над этими ящиками. Думаю господин граф был бы со мной согласен. Театрал и крепостник. Может ли быть почетное рабство? Не знаю. Мы чем то похожи.

Красавица придется вытаскивать тебя на руках. Пешком на третий, без лифта. Ох, что не сделаешь ради тети.

*****

Марта проснулась и сразу села, прислонившись к спинке старого дивана.. Бело-серое зимнее утро повисло в полутьме. Оглушительно тихое. В глазах какая то дымка. Протирая глаза Марта вскочила и начала искать будильник. Хозяйский старый будильник с одной мелодией «ДДДРРРРР», мог разбудить и мертвого но сегодня не прозвучал. Вся вчерашняя история уже казалась девушке незначительным приключением. Какой то ерундой, которая может произойти с каждым..Будильник показывал 8—18 и если она хотела успеть в свою бутербродную, то надо было бежать прямо сейчас. Она вышла в тесный коридорчик «хрущевки “ и сразу поскользнулась в лужице растаявшего снега. Весь коридор был затоптан большими черными следами, московской зимней грязи. Это вечно черная московская зима. Эти разводы теперь будут преследовать граждан в метро, магазинах и тем более в ее бутербродной, где даже нет стульев и едят стоя за высокими круглыми столами. «Племянник Лекс», вспомнила Марта, уставившись на следы. Сидя на грязном полу она внезапно осознала, что совершенно не помнит как попала домой, как легла, спать. Марта осмотрела себя. Она была в своей вчерашней одежде, джинсах, свитере, но босая. На вешалке у двери были аккуратно развешаны ее серебристая куртка, шарфы и стояли беленькие сапожки на шнурках, ее любимая обновка.

Вчера стало проявляться как детская переводная картинка. Слой за слоем стиралась бледное утро и в ее воспоминаниях снова шел ночной снег, черная «Волга» пыхтела под парами, и племянник улыбался ей в темноте роскошного кожаного салона представительской машины.

«Ключ!» – она вскочила и побежала на кухню. Если не найдет ключа снова надо будет звонить Веронике Львовне.

Занавески на кухне были задернуты, в полумраке зимнего утра она не могла ничего рассмотреть и включила лампу. На маленьком обеденном столике лежал новенький ключ и записка написанная крупным размашистым почерком:

«Доброе утро, Марта. Очень советую позвонить по этому телефону В. Л. Но это просто совет. Удачи! Лекс. “ Длинный ряд цифр удивил Марту. Такие длинные номера обычно были у междугородних телефонов, а Вероника Львовна жила на соседней улице. Телефон оглушительно зазвонил.. Марта вздрогнула от неожиданности, но сняла трубку.

– Алло. Алло слушаю вас, – стараясь говорить спокойным полушепотом ответила она. Какое то шипение, похожее на завывание и щелканье ветра в открытом поле чуть не оглушило ее и связь прервалась. Марта в раздражении грохнула трубкой о старый телефонный аппарат.

«Я позвоню, но сейчас мне нужно на работу. Громко, сама себе или невидимому Лексу объяснила Марта. О чем я буду разговаривать с хозяйкой, если меня выгонят с работы?. Она свернула записку, спрятала ее и новый ключ в карман джинсов и стала быстро одеваться.

Воспоминания о странной ночи в метро накатывали волнами, но в ее душе вся эта история не задержалась. "Было и прошло. Ключ у меня. Побежала.»

Она подхватила свою спортивную сумку увешанную коллекцией значков и скатилась по лестнице перепрыгивая через две ступеньки.

_____ Марта явилась в «Бутербродную» в час Х». Негласный «час Х «наступал тогда, когда Тамара Николаевна, главнейшая из главнейших дам заведения общественного питания, поправляла кружевную наколку на голове и одновременно красила губы красной помадой. Вытягивая губы она смотрелась в огромные бойлеры с кипятком, они заменяли ей зеркало. Это был ежедневный ритуал. После этого сразу начинался рабочий день. Это был как свисток к началу футбольного матча.. Деревянные скрипучие двери в полутемную «Бутербродную»,с давно немытыми окнами открывались лично Тамарой Николаевной. Посетители начинали заходить сразу. Студенты, спешащие работу служащие, усталые бездомные насобиравшие на бутерброд. Место было проходимое, почти что на Красной Площади. Москвичи и «гости столицы» валом валили в дешевую забегаловку.

Дешевая кафешка в таком центровом месте жила своей яркой, невидимой жизнью. Сюда Марту взяли из жалости, в штате ей места не было Оформили по договору, хотя Марта и знала, что это незаконно. Подписав договор она не знала еще как сможет и учиться на истфаке, и еще работать.

Она вбежала в “ Бутербродную» в последнюю минуту. На ходу скидывая с себя куртку в подсобке и подвязываясь застиранным длинным фартуком, она громко проорала куда то в зал, срывающимся, запыхавшемся голосом:

– Я здесь! Я просто немного опоздала! Нужно было ещё надеть белый халат с фирменной вышивкой, но времени на это не было. Посудомойка, которую почему то прозвали “ Клара Цеткин», посмотрела на нее презрительно. Стажерка опять опоздала! Позор! Вот, все они стажеры не понимают что такое работа!

Запыхавшаяся Марта встала за на хлеборезку и начала нарезать полосатые блестящие батоны выложенные на поддонах. Начался обычный рабочий день. Она нарезала хлеб, колбасу, сыр Даже ветчину сегодня привезли. Ветчина благоухала так заманчиво, что голодная Марта завистливо посмотрела, как «главнейшая “ оттяпала себе кусок и удалилась с ним в свой кабинет..

Сегодня Марте как форму доверия или испытания, поручили разливать компот. Разбухшая курага и ошметки разваренного чернослива никак не хотели укладываться в узкие граненые стаканы. Разливать надо было большим половником, который больше подошёл бы для щей в рабочей столовке. Высший пилотаж столовских работников был ей явно недоступен. Лужи липкого компота разливались на пластиковых подносах.. У Марты ничего не получалось, она

роняла стаканы, подносы с бутербродами и суровый женский коллектив отправил ее» отдохнуть». За ее спиной они покачивали своими аккуратно завитыми головами в белых наколках и возмущенно поднимали брови Марта видела их отражения в бойлерах. Выйдя из зала, она присела в темном коридоре, на мешок с сахарным песком и достала из кармана записку Лекса. Длинный ряд цифр был еле виден в слабом освещении мигающих ламп дневного света.

«Да- да, конечно. Надо позвонить, -беспечно подумала Марта, -но ключ то есть и можно позвонить и попозже. Да и звонить здесь неоткуда». Она привстала с хрустящего мешка и заглянула в открытую дверь кабинета Тамары Николаевны. Самой главнейшей там не было а, прямо на столе стоял новенький, телефонный аппарат. Заманчиво было сейчас быстренько подойти и позвонить. Марта оглянулась на дверь в зал – все были на раздаче. Полдень. Начался обеденный перерыв и народ выстроился в длинную очередь. Тамара Николаевна тоже рулила на кассе. «Если я сейчас без разрешения зайду в кабинет директора, мне припомнят поднос с бутербродами и компот. Сразу уволят. И денег наверное не дадут. Хотя нет. Не имеют права.»

Марта встала, на цыпочках подошла к двери, и прикрыла ее. Потом бесшумно, в своих рабочих мягких тапочках быстро прошла в кабинет Тамара Николаевны. Дрожащими руками она начала разворачивать записку, путаясь в складках длинного фартука. Сердце ее выпрыгивало из груди и внезапно зазвонивший телефон чуть не довел ее до обморока. Тррр-Тррр-Тррр, Марта испугалась, что кто нибудь сейчас прибежит на звонок и сняла трубку.

– Алло, – прикрывая за собой директорскую дверь сказала она, -Тамары Николаевны сейчас нет. Девушка старалась говорить в полголоса.

– Это странно, дорогая, что ты не прислушиваешься к советам, которые тебе дают. Тебе делают шаг навстречу, а ты не удосужилась даже позвонить». Марта растерялась. Она узнала голос Вероники Львовны и не могла поверить своим ушам,

– Наш договор не окончен. Сегодня ты должна быть у меня не позднее 18 часов. Я приглашаю тебя на ужин. Там все и обсудим, если ты конечно собираешься платить..

– Да, конечно, я заплачу. Извините, Вероника Львовна. Я на работе сейчас, – добавила она.

– Верх глупости! – раздраженно ответила хозяйка, – я знаю куда я звоню.

Марта не могла понять как такое возможно. От неожиданности и почти фантастичности ситуации она плохо соображала.

– Но я на работе до восьми. Мне же нужны деньги для оплаты. Начала убеждать она хозяйку, -Я приду попозже или завтра. После учебы. Марта стала говорить громче. Голос ее стал жестким, она выходила из себя.

– Сегодня! или никогда ты больше не зайдешь в эту комнату! Замерзнешь на улице!! Вероника Львовна перешла на крик.. Марта услышала шаги и повесила трубку.

В щель двери она увидела Тамару Николаевну. Та вышла в коридор и направилась прямо к кабинету. Марта юркнула в шкафчик со швабрами. Лик главнейшей, с наклеенными ресницами и яркой помадой, блестел от пота. Она была женщина полная и в зале ей стало жарко. Марта слышала ее тяжелое дыхание.

Девушка вжалась в вонючие тряпки, серые и затхлые которыми была окружена в этом чулане. Она была так напугана, что старалась даже не дышать. Марта слышала как вошла Тамара Николаевна, как тяжело упала на стул и со страшным скрежетом придвинулась к столу. Марта, затаив дыхание, слышала как шуршат бумаги, как директриса, что передвигает на столе. Затарахтел телефонный диск и Тамара Николаевна тяжело вздохнула всей своей необъятной грудью.

«Неужели есть кто то главнее главнейшей? – хихикнула про себя Марта и закрыла рот ладошкой, подавляя смешок. По всем этим звукам и вздохам легко можно было догадаться, что директриса готовится к неприятному разговору. Снова скрипнул стул и Тамара Николаевна

«настроила “ голос, хрипло откашлявшись. Она курила только дефицитные сигареты «Кэмел», но это не спасало ее связки.

– Добрый день, мурлыкнула она в трубку. Вы просили позвонить. Надеюсь не случилось ничего неприятного. Пока все отлично. Все идет как и договаривались. Ваша прозорливость удивительна.

«Еще слово и она коленопреклоненно поцелует трубку», раздраженно продумала Марта. Интересно, с кем это она? Девушка боялась даже заглянуть в маленькую щель между дверными замками, но любопытство пересилило. Стараясь не уронить стопку железных ведер, заваленных швабрами, она присела на корточки и заглянула в кабинет. Она увидела застывшее лицо «главнейшей». Та непонимающе моргала своими огромными театральными ресницами, которые начали предательски подтекать. Иногда она открывала рот, чтобы вставить хоть слово, но на другом конце провода ей явно не давали это сделать.

– Верочка, я вас умоляю. У меня такой наплыв! Тамара Николаевна старалась вставить хоть слово – Может быть не сегодня? Она провела ладонью по вспотевшему лбу и бессильно откинувшись на стуле серьезно и с готовностью ответила – Да, конечно. Я и не рассуждаю. Просто, мне показалось…. будет сделано, госпожа.

Главнейшая опустила трубку на рычаг, решительно встала и открыла дверь в коридор.

– Марта! Марта Кристова твой перерыв закончен.! -грозно проорала Тамара Николаевна. Марта в ужасе вскочила и чуть не опрокинула на себя стопку старых газет. Директриса вышла в коридор и Марта слышала как она заглянула в раздевалку, потом дернула ручку туалета. Девушке показалось, что главнейшая вышла в зал и Марта выскочила из чулана, роняя швабры. Прямо перед ней высилась главнейшая. Ее лицо покраснело от гнева, нарумяненные щеки тряслись. казалось, что Тамара Николаевна, как и Марта, на какое то мгновение потеряла дар речи.

– Кристова! Ты никуда не годишься! Собирай вещи и на выход, – наконец медленно, жестко разделяя каждое слово, произнесла директриса.

Марта упрямо покачала головой

– Вы не имеете права. Я молодой специалист, я студентка и еще недели не проработала, не совсем уверенно, но с вызовом ответила девушка, нанизывая один ненадёжный аргумент на другой. Она надеялась воззвать к разуму, закону, своей удачливости, но заглянув в глаза Тамары Николаевны поняла, что напрасно.

– Я отработала пять дней, уже упавшим голосом сказала она, несмотря на директрису. Та подошла к ней совсем близко и Марте показалось, что она выдавливает ее из кабинета всей своей благополучной массой.

– С вещами на выход. Денег за пять дней дам. Она схватила Марту за плечи, развернула и вытолкнула из кабинета.. -Весь коллектив подтвердит, что таких лентяек. нам тут не нужно!

Марта быстро вышла в коридор, но не пошла в раздевалку для персонала, а как была в войлочных тапочках и огромном фартуке, выбежала на мороз.

На улице почему то уже стемнело. Шел снег. Мягко, бесшумно и красиво падая на узкие подоконники соседнего дома. Трубы вентиляции казались чудесными домиками- чудесной страны покрытые блестящим снегом. У каждого есть этот порог, даже у самой позитивной и веселой личности. Но точка “ Я смогу» была пройдена и пройдена неудачно. Марта расплакалась и слезы крупными каплями скатывались из ее глаз и попадали в уголки губ. Их соленый вкус напоминал, то ли слезы то ли кровь. Губы неприятно защипало. «Губы обветрились, – как то отстраненно подумала она, -трещинка наверное. Мама говорила надо сливочным масло мазать.»

«Бутерброды возьми. “ Марта вздрогнула и оглянулась на голос. Слева от нее «Клара Цеткин», в своем безразмерном тулупе накинутом на плечи, докуривала вонючую серую папиросу.

Она затушила ее в сугроб, сплюнула под ноги и тяжело покачиваясь прошла мимо девушки не забыв толкнуть ее в бок. Марта охнула и села в сугроб.

На Спасской башне мелодично заиграли Куранты. Здесь было их отлично слышно. Вся улица 25 октября узнавала точное время по бою Кремлевских Курантов. Пробило три часа. “ Как такое может быть! – в отчаянии непонимания прошептала Марта. Я только, что пришла на работу. Прошло не больше двух часов. Она выбралась из сугроба и вернулась в «Бутербродную». В такие моменты своей жизни она очень жалела, что не курит.

*****

Сегодня я сам за рулем и могу курить в машине. Иногда так мало нужно для ощущения свободы. Cohiba Robusto, маленькая плотная идеальная. Люблю ее за аромат сосновой смолы. Львович будет ворчать, но мне кажется, что это лучше чем его котлеты. Ваши пресловутые котлеты. Цивилизация, которая поднялась на котлетах! Снегопад усилился, новенькие дворники навязчиво шуршат по лобовому стеклу и все равно оставляют разводы.. Мне сложно смотреть на улицу за этими странными шевелящимися шторками. Не хочу ничего пропустить. Я видел как она бежала от метро «Площадь Революции» роняя в грязный придорожный снег, то варежки, то свою неизменную книжку. Без шапки и совсем не грустна. она ждет ее грусти и уныния, но я этого не вижу. Ну поэтому ее и нашли, и выбрали, и я здесь именно поэтому. Я только Ловец. Я-Ловец. Пальцы снова деревенеют. это нормально для тысячелетних ловцов, но мне всегда нужно что то с этим делать. Например закурить.

Московский гололед прикрыт легким слоем снега и они так забавно шлепаются, роняют сумки, оранжевые шары апельсинов катятся под колеса машин. «Черт, Черт!», слышу я. Я так хорошо слышу, что меня это пугает. Даже днем я слышу слишком много. «Девушка, вам помочь,?. Высокий мужик отбросил сигарету и поднимает упавшую «девушку» неопределенного возраста, укутанную в цветастые платки. Она пыхтит и вырывает руку. Могла бы и поблагодарить. На ногах валенки. Забежала перед поездом «Москву повидать».

Надо проехать подальше они мешают мне видеть ее силуэт. Она совсем невысокая, хрупкая, когда я вез ее на Аргуновскую мне казалось, что я могу ее разбить. А Она сказала, что я идеализирую. Что то в ней не то. Тетушка может просчитаться. Где то подвох. Я видел это в ее глазах прошлой ночью. Беззащитная и хрупкая, но какая то непрошибаемая. Как может юная особь быть такой? Хотя, что там. Они все беззащитные, хрупкие, фарфоровые игрушки на каминной полке. Зачем она стрижет свои чудесные пепельные волосы? Редкий оттенок. Он высоко ценится. Вздернутый нос, совсем некрасивые зубы, крупные как у грызуна.

Вот, через окно вижу, уронила поднос. Мой вечер начинается. Бой на Спасской всегда за меня. Снегопад усилился. Почему она не звонит. Я не понимаю почему она не звонит. Тамара выбежала. Как корова на льду. Путается в снежной каше. Тетушка ее ценит. Исполнительная и жадная. Я опускаю окно, Тамара тяжело дышит – -Тамара Николаевна, все как Вероника Львовна распланировала?

– Да, да. Только вот. -пихает мне сверток через окно. Она Стажерка, забыла. От Тамары воняет ветчиной. Ненавижу ветчину. -Марта Андреевна вышла в город? – уже сурово спрашиваю я. Тамара торопливо поворачивает к своей забегаловке и я вижу ее толстые ноги перетянутые модными сапогами. Куранты бьют четверть, стрелка на приборной доске замирает и поблескивает зеленоватым светом.» Вышла, вышла, машет она рукой. Другой дверью пошла, через Театральную площадь. Дворами.

Я разворачиваю сверток из толстой бумаги. Криво нарезанные бутерброды с колбасой падают на мои новые брюки. Черт!

****

В раздевалке для персонала опять перегорели лампочки. Осталась только одна лампа дневного освещения мигающая голубоватым светом. Почему считается, что дневной свет – голубой, рассеянно думала Марта собирая «вещи на выход». Она шнуровала свои беленькие

сапожки, когда кто -то (она не успела увидеть кто), швырнул ей из -за двери бумажный пакет. От неожиданности она ойкнула и посторонилась. Ей показалось, что кто то хотел попасть ей в голову. «Что за ерунда! я начинаю бояться бумажных пакетов!» подумала Марта. Этот резкий и грубый звук вернул ее в неприятную реальность, а ведь наслаждение от обувания новых сапожек, несравнимо с увольнением по непонятным причинам. Девушка без любопытства взяла сверток и на нее сразу дохнуло запахом «докторской» колбасы. Марта поморщилась. После пары подносов бутербродов, которые она нарезала сегодня с утра, колбаса у нее была не в приоритете, но отказываться от дара не стоило. —Кристова, переоденешься- в зал выйди! Тамара Николаевна тебя ждет!. Визгливый голос Зины Лопуховой, ее напарницы на раздаче, прозвучал издевательски. Зина виртуозно разливала компоты половниками и была фаворитом «Бутербродной» третьей категории.

– Спасибо, Зина, -прошептала Марта застегивая куртку, работать тебе на полторы ставки! Это пожелание на прощание!

То что произошло с ней за последние сутки, Марта приняла как вызов. Есть комната, есть ключ, есть суровая Вероника Львовна, даже какой то непонятный и симпатичный Лекс. Есть ее университет и где то есть родители, и они в этой истории, самое слабое звено. Так думала девушка стараясь быть жесткой перед тем, что ей предстоит, а предстоял ей ужин у Вероники Львовны, новые поиски работы и ее первая сессия, на самом то деле, уже через месяц.

«Предчувствует душа, что волей звезд,
Началом несказанных бедствий будет,
Ночное этот празднество.»

Начитанная и напичканная цитатами Марта, обрадовалась вспомнив эти строки из Шекспира. Она всегда верила в хороший конец любой истории! Марта оделась и вышла в зал.

Толпа голодных служащих уже поредела. Очереди не было. Подносы опустели и Марта видела как Аня Лопухова, ее напарница -стажерка, в новеньком фирменном халате, сосредоточенно распиливает очередную партию батонов на хлеборезке. За столиком у окна стоял какой то человек в старом зимнем пальто с оторванной пуговицей. Он интенсивно дул в стакан с «кофе “ и смотрел в заляпанное окно. Там Марта заметила вереницу экскурсантов с гидом во главе. “ Обратите внимание мы подходим к главной площади страны! истерично орал гид. Мужик с кофе поперхнулся и закашлялся. Все это снова погрузило Марту в уныние. «Шекспир бы рыдал» подумала девушка и подошла к Тамаре Николаевне.

Главнейшая не смотрела на стажерку. С ней все было кончено и она видно хотела побыстрее разделаться с оплатой. Она копалась в кассовом ящике собирая мятые желто -бурые рубли и пересчитывая их по нескольку раз. Марта молча стояла рядом и спокойно наблюдала как толстые короткие пальца Тамары в золотых перстнях перебирают засаленные купюры. Молчание затянулось. В зале было выключено даже радио и повисла какая то невообразимая тишина. Марта оглянулась вокруг, ей стало не по себе. Казалось, что у жизни выключили звук.

– Получи, Кристова свои семь рублей и двадцать пять копеек. -наконец произнесла директриса и выложила деньги на белое блюдце у кассы. Я почти ветеран труда и никогда не видела такой безразличной к делу и ленивой стажерки. Она со скрежетом подвинула блюдце в сторону Марты. Марта, стараясь казаться равнодушной и мысленно выдохнув., собрала мелочь и рубли и рассовала их по карманам.

– Прощайте, спасибо, но эти деньги я заработала, не удержалась от последних слов Марта. Она развернулась и направилась к дверям.

– Не с центрального же входа! заорала ей вслед Тамара Николаевна. Для персонала есть другая дверь.! У Марты почему то выступили слезы. Это была такая ерунда, но дыхание перехватило и предательская влага сделала мутным все вокруг. Она молча зашла за раздачу, быстро прошла по коридору и вышла в темный двор, хлопнув дверью. Пройдя несколько шагов она вспомнила про пакет с бутербродами и решила вернуться. Подойдя вплотную к двери она про-

чла кривую трафаретную надпись «Служебный вход». Нет!, решила Марта больше никаких служебных входов. Она быстро развернулась и только ей известными проходами, по дворам, решила выйти на «Площадь Свердлова», не выходя на улицу 25 октября. Куранты начали быть пять часов. «Уже пять? Она велела быть к шести., Я должна успеть – думала Марта перелезая через заснеженный заборчик и спускаясь к памятнику вдоль стены Славяно -греко-латинской академии.

Необычные для ноября сугробы мешали ей идти быстро. Снег набился в голенища сапожек, усилился ветер и колючие снежинки кололи лицо. Люди бесконечным темным потоком шли по Театральной площади. Большие сумки, сетки – авоськи, белые коробки с тортами. Каждый, кто шел здесь, нес что то в руках. Покупки, покупки. Центр Москвы, магазины в которые завозят хоть какую то вкусную (или хотя бы съедобную) еду и люди в поисках этого, потоками устремляются сюда. Еда в Москве – эта валюта. За бутылку коньяка можно выжить на операционном столе, а за банку швейцарского растворимого кофе тебя «скорая» отвезет в лучший роддом города. Конфеты для учительниц, а хрустальные конфетницы для учительниц музыки.

У гостиницы " Москва» стояли туристические автобусы с голубой надписью «Спутник», иностранцев в них не возят, но своих «туристов» в погоне за сервелатом к Новому году, полно.

У входа в метро «Площадь революции» была стоянка такси и Марта вспомнив о сумме в семь рублей, подумала, что на такси она доедет быстрее. Девушка встала в длинную очередь «гостей столицы» ждущих такси. Москвичи редко ездили на такси, это было развлечение для приезжих. Только приезжие, накопив на поездку в столицу могли так шикануть. Те москвичи, которые могли заплатить за такси ездили с личными шоферами на ведомственных машинах.

Время шло. Марта чувствовала движение времени где то в себе. Она даже не могла понять почему она чувствует, что прошло десять минут. Вот, уже пятнадцать. Обида, злость, раздражение «тикали «в ней вместе с часами. Снег прекратился, но стало холоднее и Марта в своей серебрянной короткой куртке начала мерзнуть. Она с тоской вспомнила забытый пакет с бутербродами и подумала, что принципиальность не помогает выживанию. Она перебирала в кармане свои честно заработанные деньги и прикидывала во что ей обойдется такая шикарная поездка на ужин к Веронике Львовне.

Тревожно посматривая на вход в метро Марта видела, что потоки людей закончивших работу в многочисленных «министерствах» превращаются в темную лаву вливающуюся в арку входа на «Площадь революции». Бежать в этом потоке на ВДНХ было поздно. Очередь жаждущих сесть в такси не уменьшалась. Рядом опять почти «проплыла» еще одна экскурсия молчаливых и каких – то скорбных людей исчезнувшая на переходе Театральной площади.

Марта шмыгнула замерзшим носом и в холодном морозном воздухе почувствовала какой то сладковатый запах, пряный и невообразимо прекрасный. Он напомнил ей запах свежеспиленных сосновых досок, с непросохшей еще смолой янтарной живицы. Это запах детства. Соснового леса в Юрмале.

– Марта Андреевна, когда вам дают совет -«позвоните,» ему лучше последовать не рассуждая.

_____

Первое, что она увидела – были бронзовые, блестящие в свете фонарей, пуговицы. Этот извечный свет несказанной дороговизны, слепил глаза. Сизый дым от сигары рассеивался в морозном воздухе, но смолистый аромат окутал ее как одеялом. Показалось, что стало теплее. Ровный красный огонек сигары мигал фонариком в темноте светлого московского вечера. Марта смотрела на Лекса, или на племянника, или на черт знает кого, и беспокойство покидало ее как бывает с внезапно опустившейся температурой, когда – можно заснуть и завтра будет все хорошо.

Марта просияла. Она была несказанно счастлива! Надо же какое совпадение! Все таки она везунчик!

– Алексей Ильич, как здорово, что вы меня заметили. Это такое потрясающее совпадение!

Первым импульсом замерзшей и усталой девушки было кинуться на шею этому малознакомому мужчине, но рассудительность и строгое воспитание победили даже инстинкт выживания.

– Во первых мы договорились, что для вас я – Лекс. Племянник, он остался дома, с тетей, а Алексей Ильич Лексерович на фото в паспорте. – Лексу понравилась детская непосредственность девушки и он по доброму улыбнулся, но быстро обрел» лицо» и снова спросил:

– Так почему вы не позвонили?

Марта начала оправдываться, что у нее не было времени, она бежала на работу, ей были нужны деньги срочно – да и Вероника Львовна сама позвонила мне, быстро сказала девушка и удивленно запнулась. -Она подняла глаза на Лекса и будто пораженная какой то внезапной догадкой продолжила, уже не так оживленно – Только я не знаю как она меня нашла. Почему позвонила, как только я зашла в кабинет? – уже будто разговаривая сама с собой пробормотала Марта. Ей сново стало холодно, как то сразу внезапно, легкая дрожь пробежала по спине.

– Вы здесь- то что делаете, Марта? – спросил Лекс, но Марте показалось, что он знает ответ. Лекс пыхнул остатками сигары и аккуратно затушил ее в маленькой металлической табакерке. Туда он убрал и окурок.

– Вероника Львовна пригласила меня на ужин. Я опаздываю. Я хотела взять такси- ответила девушка.

Лекс поморщился. – Семь рублей двадцать пять копеек. С Площади Революции до Останкино. Прокатать на такси ползарплаты? Пойдем. – он махнул рукой в сторону музея Ленина. Машину помнишь? Его обращение на «вы» куда то то делось и этот странный эффект, который Марта заметила в лице племянника еще в прошлый раз снова неожиданно сработал. “ Не молодой – не старый», то на вы то на ты. Только что он был чопорно отстраненный, а вдруг стал снова своим парнем. Сегодня он был без своей огромной шляпы и Марта могла лучше рассмотреть его. Вглядываясь в его черты, они снова показались ей «зыбкими», но выразительные, большие голубые глаза не давали ей сосредоточится. Если бы сейчас ее попросили описать «племянника», она бы не смогла это сделать.

«Может убежать, пока не поздно? ” подумала Марта. Она подняла свою спортивную сумку, перекинула через плечо и тревожно посмотрела в сторону метро.

– Марта, уже очень поздно….надо торопиться.. Вероника Львовна не любит опозданий. Сегодня я за рулем, домчимся как ветер. – легко и весело сказал Лекс, забрал у Марты сумку и отправился к машине необыкновенно легкой, пружинящей походкой.

«Да, на свете бывают странные совпадения. Мне повезло и не придумывай Марта Кристова сама себе лишних ужасов. На сегодня и так достаточно.» -думала девушка вприпрыжку идя за высоким Лексом к сияющей красивой «Волге». Куранты пробили половину шестого, когда за Мартой закрылась дверь машины. “ Удивительно прекрасный звон курантов, хотя часы на Домском соборе тоже отлично звучат.

Марта с внезапной грустью вспомнила родную Ригу, пытаясь сравнить ее с заснеженной Москвой.» Нет, пожалуй это несравнимо, решила девушка,» Моя Рига встала из сказок Андерсена, а здесь финал «Конька -Горбунка». «Бух в котел и там сварился!».

На улицах народа стало ещё больше. Они шли нескончаемым безликим потоком. Садились в автобусы, заходили в метро, переходили Театральную площадь. Из музея Ленина выводили вереницу школьников. Просто обычная жизнь, обычный московский вечер.

Марта поудобнее расположилась на роскошных кожаных сиденьях «Волги». Сладковатый запах сигар и кожаного салона смешался с каким то привычным и навязчивым «домашним» запахом. Марта оглядела салон. Рядом с ней лежал до боли узнаваемый, бумажный пакет из «Бутербродной», тот самый, который она забыла уходя из подсобки.

В этот момент в Марте что то сломалось. Весь ее позитивный настрой, уверенность в том, что она счастливчик и везунчик, разбилось о сальный пакет с бутербродами. Она тревожно посмотрела на Лекса. Он подмигнул ей в зеркало, дружелюбно и по мальчишески. Его лицо вновь обрело совсем молодой, даже юный облик. Она уставилась в его коротко стриженный затылок, но снова не могла рассмотреть полностью его лицо. Он уверенно вел машину, играла музыка и Лекс тихонько напевал. Не смотря на то, что в машине было очень тепло, он не снимал своих перчаток.

– Ужин у Вероники Львовны, это очень своеобразное действо, – не оборачиваясь, но поглядывая на Марту в зеркало, сказал племянник. Веди себя уверенно, но не обещай ей лишнего. Она зла на тебя.

Марта не знала, что отвечать. На нее наползли страх, подозрительность, неуверенность. Ей захотелось открыть окно и позвать милицию, но и тотчас же ей показалось, что это так глупо, что стоит просто наблюдать. Она же сможет убежать если выйдет на улицу. Девушка отодвинулась от пакета с бутербродами, который как назло «подъезжал» к ней на каждом повороте и стала смотреть в окно. «Домчаться “ от Красной площади до Останкино за полчаса было нереально. Марта не хотел показывать своего страха. Он показался ей детским, а подозрительность навязчивой.

Чтобы продолжить разговор она сказала, не сводя глаз с затылка Лекса —

– А мы успеем к шести? Если твоя тетушка такая строгая, Может быть перенесем встречу и ты просто отвезешь меня домой?

Ее голос предательски дрогнул и стал каким то хрипловатым. Лекс, конечно, почувствовал ее неуверенность. Он притормозил на светофоре, обернулся и спокойно, но серьезно сказал.

– Нет, Марта. Встречу нельзя перенести. И мы успеем к шести, если ты не боишься скорости, то мы можем быть там гораздо раньше.

– Отлично, с вызовом ответила Марта. -Не ночевать же мне на улице. Пусть это будет мой первый деловой ужин в жизни. Зелененькие фосфоресцирующие стрелки на приборной доске показывали без пятнадцати шесть., а они только подъезжали к «Чистопрудному бульвару».

Она посмотрела на «племянника», а он обернулся к ней. Первый раз за все это время она внимательно рассмотрела Лекса и увидела, что то кроме его глаз. Это был может быть и не очень красивый, но то, что называется «мужественный» профиль. Все в его лице гармонировало друг с другом и Марта невольно залюбовалась им.

– Летим, – пожал плечами Лекс и резко затормозил.

Марта охнула и резко повалилась на сиденье. Сердце ее колотилось. То что он сказал и то что произошло дальше было так нелогично, что Марта грубо заорала во весь голос;

– Что ты делаешь! Ты что, сумасшедший? Зачем, так тормозить? закричала Марта. Все напряжение этого ужасного дня, оскорбления на работе, безденежье, холод, все было в этом ее хриплом и грубом крике.

– Выходи, просто сказал Лекс – и бутерброды захвати. Сим сожрет и не охнет.

Марта смотрела на Лекса, на его спокойное лицо, на уверенные движения и ей, почему то, хотелось делать то что он говорит. Ей даже показалось, что так проще. Он был так спокоен, так уверен в себе, что и не должно было возникнуть сомнений, что то, что он делает, это именно то, что нужно. “ Податель сего сделал это с моего разрешения и на благо Франции» вспомнились Марте записка кардинала из «Трех мушкетеров». Здорово, но ситуация не была не так уж романтична..

«Племянник» вытащил ключ и первый вышел из машины, аккуратненько щелкнув дверью.

Марта непонимающе уставилась в окно. “ 3-ий проезд Марьиной рощи» с удивлением прочла она.. Это был адрес Вероники Львовны. Марта приходила сюда, когда искала комнату.»

Может я заснула, подумала девушка и не заметила как мы с «Чистых» доехали до Останкино? “ Часы на приборной доске показывали без пятнадцати шесть.

_____

Вся ее решимость бежать со всех ног как только они доедут, куда то делась. Спокойная тишина в машине, спокойная тишина в душе. Она вдруг подумала, что да, надо просто выйти из машины и скорее, скорее на ужин к Веронике Львовне, ведь она ее ждет. Марта снова взглянула на часы. Зелененькая стрелочка подрагивала и приближалась к шести. У машины стоял Лекс, высокий и значительный в своей дорогой, каких всегда расстегнутой, дубленке. В руках у него был ключ от машины и всем своим видом он будто говорил ей “-Давай уже, выходи. Время -деньги». Проезд Марьиной рощи не самое освещенное место Москвы и роскошные пуговицы его дублёнки уже не блестели в свете фонарей, а на его, и без того неуловимое лицо, лицо легла тень от соседнего дома. Марта не могла разглядеть его в темноте зимнего вечера. Она взяла пакет с бутербродами и вылезла из машины.

На тихой улице никого не было. Казалось, что Москва осталась где то там, за спиной Марты, а здесь был какой то другой мир. Никто не спешил домой с авоськами, не пробегали дети с санками, не проезжали машины. Даже если бы девушка решила сейчас бежать, то куда и зачем ей самой было непонятно. В этом странном районе, с не самой лучшей репутацией, она была только один раз

.В темноте заснеженного вечера при слабом свете редких фонарей, Марта вряд сама узнала бы дом Вероники Львовны. А дом хозяйки был именно домом. Не многоквартирной коробкой, а отдельно стоящим деревянным двухэтажным домом, посредине небольшого садика, обнесенный невысоким забором. Она была здесь в августе и сад утопал в цветах, забор был оплетен диким виноградом и какими то колючками. В саду под ногами, валялись битые, и уже подгнившие яблоки, на которых Марта с отвращением подскальзывалась, когда пыталась обойти яростно лающую на нее собаку.

Сейчас, в этом раньше времени заснеженном ноябре, забор был уже завален снегом и только дорожка к калитке была расчищена. Среди старых домов на этой улице, это был единственный двухэтажный деревянный дом.

Марта стояла у машины и не знала, что делать. Ее сумка была перекинута через плечо, а в руках она сжимала пропахший колбасой пакет. После уютной и теплой «Волги» на улице ей показалось холодно и зябко. Ее новые сапоги совсем не согревали, куртка была коротка, В общем Марта почувствовала себя плохо и даже как то одиноко.. Она захотела чтобы поскорее все кончилось, потому что ей просто хотелось есть.

Лекс закрыл машину и галантно предложил ей руку. но она опять отказалась взять его под руку. Она думала, что это слишком для делового сотрудничества, а может ее смущала безотчетная симпатия, которую она чувствовала к этому молодому «немолодому» человеку. Она быстро прошла вперед и на ходу произнесла-

– Я ничего здесь не знаю, точнее была один раз, – поспешно сказала она, увидев, что племянник разозлился, когда она снова отказалась взять его под руку. -Веди, а то твоя тетя разозлиться еще больше и уже не только на меня, стараясь быть веселой сказала Марта, быстро уходя вперед.

Лекс в два шага догнал ее, отобрал сумку и решительно взяв за руку подвел к широкой калитке.

Вдали, где то, за строем кривых яблонь, в темноте, она разглядела входную дверь с большим путевым фонарем на крыльце. «Опять этот фонарь, Откуда они беруться в таких количествах» удивилась Марта. “ Собака истерически залаяла, когда девушка, в сопровождении Лекса, стала пробираться к дому по узкой дорожке.

Вблизи дом казался старым и обшарпанным. Было видно, что его никогда не красили и в темноте, при слабом свете фонаря, стены казались черными. Длинноногая хаски, привя-

занная цепью к стене сарая, надрывалась от лая и даже примирительное- ” Сим, фу,» не успокоило ее. Марта боялась собак и испуганно прижалась к Лексу.

– Отдай ей бутерброды. Только спокойно, по одному, – тихо шепнул ей на ухо племянник. Она почувствовала его спокойное дыхание и запах сигар. Марта резко отшатнулась, но послушно разорвала пакет и начала кидать колбасу собаке. Лай прекратился тотчас же и молчаливое чавканье, как подтверждение принятой жертвы, рассмешило Марту.-

– Ее, что не кормят? – спросила она Лекса, – специально?

– Собака должна охранять дом откуда ей дают еду. Это ее работа. А методы они бывают разные.

Лекс жестко взял девушку за локоть и подтолкнул к лесенке кривоватого крыльца под железной крышей. Марта увидела звонок над дверью и решительно надавила на пожелтевшую кнопку, но не услышала никаких звуков.

– Звонок не работает, -она раздраженно подергала ручку толстой, обитой дерматином двери. Дермантин потрескался в нескольких местах и из него торчала желтая вата. В серединке сиял дверной глазок в обрамлении маленьких звездочек.

– Здесь не любят лишних звуков, тем более дверных звонков.-

ответил Алексей Ильич за ее спиной. Она подняла глаза на Лекса и увидела именно Алексея Ильича, взрослого, отстраненного и надменного. Марта решила не удивляться и не рассматривать пристально вновь изменившееся лицо племянника Он отодвинул Марту и очень громко постучал в косяк двери своей изящной рукой затянутой в кожаную перчатку. Звук получился на удивление громкий и звонкий. Девушке даже показалось, что он разнесся гулким эхом по тихому заснеженному саду и разбудил ворон сидящих на пустой голубятне. Голубятню она заметила еще летом, но она пустовала и была каким -то наследием ушедшей московской традиции. Недовольное «кар» скрипнуло сверху, но Марта не успела разглядеть птицу потому, что в этот момент она услышала бряканье ключа и скрежет задвижек.

– Не улыбайся, снова шепнул ей «племянник» на ухо. Она должна видеть, что ты глубоко сожалеешь, даже если ты не сожалеешь вовсе.

Он сжал ее руку под толстым рукавом куртки и громко произнес, «Тетушка Верушка, вот и мы!». Его тон показался Марте настолько фальшивым, что она, забыв страхи, не смогла не улыбнуться.

Дверь открылась и Марта увидела бледное вытянутое лицо немолодой «девушки». Белесые ресницы и выщипанные в тонкую линию брови делали ее лицо еще более жалким. В уголке бескровных синеватых губ торчала дешевая папироса. Сама девушка была одета в длинное платье с большими карманами, на плечи был накинут пуховый платок. При виде ее ироничная улыбка Марты погасла сама собой. Во первых это была не Вероника Львовна, во вторых сама эта «девушка» производила крайне унылое и пугающее впечатление. Глаза ее были настолько равнодушно пусты, что вряд-ли стоило ей улыбаться. Она бы этого даже не заметила. Марта замерла и вопросительно посмотрела на Лекса. Еще полчаса назад она хотела убежать, но теперь девушке не в ком было искать защиты и ответы на вопросы, как только в этом «племяннике», который курит дорогие сигары, быстро водит машину и боится своей тети. Лекс не ответил на ее взгляд, а просто втолкнул в открывшуюся дверь так, что Марта чуть не упала поскользнувшись на тонком коврике у порога.

– А-а! Катерина Львовна, отлично, что вы еще не спите!! – громко сказал Лекс, – Вероника Львовна, наверное в кухне? Готовит свои знаменитые шницеля?

Племянник резкими движениями, быстро, и как показалось Марте, раздраженно начал щелкать большими черными выключателями, которые выстроились в ряд по стенам. Свет голых лампочек, которые верно никогда и не были под абажурами, словно ослепил ее после полумрака машины и темноты улицы. Марта поморщилась протирая глаза.

– Вот Марта, познакомься, – так же любезно и наигранно бодро продолжал Лекс – Екатерина Львовна, младшая сестра Вероники Львовны, ее верная и преданная тень.

Верная и преданная тень, присела в глубоком реверансе и хриплым голосом произнесла :

– Добро пожаловать, зовите меня Кэти. Она вытащила потухшую мокрую папиросу изо рта и кинула в консервную банку на подоконнике. Марта с омерзением заметила, что таких жеваных «бычков там собралось уже немало.

Узкая терраска перед входом в комнаты, была обычным делом в таких старых домах. Здесь хранили всю обувь существовавшую в доме, верхнюю одежду и выходили смолить " курильщики. Марта уже видела такое, но не в Москве, а на дачах в Мамонтовке, куда ездила с друзьями прошлым летом.

Лекс протянул руку, чтобы забрать у Марты сумку, висевшую на плече и жестом стал показывать, что пора бы, что то и произнести. Хотя бы из вежливости. Она понимающе кивнула и стараясь улыбнуться сказала «сестрице тени» :

– Очень приятно. Привет Кэти – я Марта. Кэти поправила платок на плечах и угрюмо произнесла – Чтож, разувайтесь, у нас не принято в сапогах.

Марта поспешно стала снимать свои сапожки прыгая на одной ноге. Наклонившись, чтобы расстегнуть заевшую молнию она заметила, что вдоль стены стоят ряды старой обуви. Сапоги, валенки, детские ботиночки и даже чьи то летние пыльные босоножки. Вдоль стены выстроились зеленые бидоны с керосином. Проклятие старых домов Москвы.

Девушка сняла свою серебряную куртку, но повесила ее на перегруженный гвоздик так неудачно, что на нее свалилась чья то шляпа. Приглядевшись она увидела, что это засаленная милицейская фуражка. Лекс сразу выхватил ее из рук Марты и положил обратно.

– Поаккуратнее, девочка. -вполголоса произнес он. Свои начищенные ботинки он снял и поставил на старый венский стул, прислоненный к стене по причине его колченогости, а свою роскошную дубленку он перекинул через руку.

«Кругом какое то старье, удивилась Марта. -Как я в первый раз этого не заметила? Тетя, женщина же не бедная. Сдает квартиры, летом продает яблоки на рынке.»

Стоя в шерстяных носках посреди хаоса терраски, Марта чувствовала себя почти голой. Ей было неуютно, голод сводил живот и напряженное молчание Кэти, которая не сводила с нее глаз, раздражало ее. Марта снова посмотрела в ее пустые водянистые глаза, которые при свете голых ламп казались и вовсе прозрачными и мысленно говорила " Не смотри на меня так! " Лекс достал из кармана пачку дорогих сигарет с золотой каймой и протянул Кэти. Та с поклоном приняла и спрятала в безразмерные карманы своего длинного платья.

– Ну в путь, красавицы, как то странно сказал «племянник» и погасил все лампы на террасе, почти что одним движением руки. Блеклый свет путевого фонаря мигнул и задрожал. Марта с удивлением увидела, что фонарь не электрический. За толстым закопченным стеклом она еле разглядела дрожащий фитиль керосиновой лампы.

«Я не могла ошибиться. Как же так!, Да что же это такое! " В своем паническом молчании Марта кричала и теряла контроль. Она теряла логику событий, обыденности действий. Девушка внезапно почувствовала этот пряный и маслянистый запах керосина и черной копоти. Она пошатнулась. Ей показалось, что у нее закружилась голова, хотя не было никаких причин. хотя.. она ела еще вчера и все может быть. Лекс мягко подхватил ее под локоть и вошел вместе с ней вслед за Кэти в открывшуюся дверь. На его лице играла самодовольная улыбка.

Марта совершенно не могла понять устройство дома в который попала. Узкий коридор, без единой лампочки, высокие потолки, она ничего не могла разглядеть. Шипение масла на сковородке и запах жаркого подсказывал, что где то кухня, но высокая величественная Кэти заслоняла собой почти весь проход, настолько узким был коридор. Фонарь в ее руке почти ничего не освещал и Марта шла наугад, аккуратно ступая ногами в теплых носках. Даже через

их пушистую мягкость она чувствовала холод деревянного пола, а от стен исходил неприятный запах отсыревшей, старой древесины. Марта старалась ни к чему не прикасаться руками и даже как то сжалась. Она же была здесь, меньше, чем полгода назад, но ничто не заставило ее переживать и не было сомнений, что ей повезло и с квартирой и с хозяйкой. За спиной, почти у самого ее уха, она чувствовала дыхание Лекса. Он шел за ней почти след в след.

Вход в кухню был завешен старым покрывалом, чистым, но основательно поеденным молью Кэти заглянула в кухню, откуда был слышен грохот посуды и шел ужасный чад и как бы невзначай, вполголоса произнесла:

– Гости уже тут, сестренка, – и не останавливаясь прошла дальше высоко подняв фонарь и ускоряя шаг.

Марта шла за ней и не могла не заглянуть на кухню. Она ожидала увидеть там Веронику Львовну, готова была вежливо поздороваться и уже придумала «милые слова хорошей девочки».

В маленьком, даже крохотном помещении, с небольшим окошком занавешенном полосатой шторкой, среди пара, и видимого жара от печки, стояла Вероника Львовна с огромной чугунной сковородкой в руках. Она ловко подкидывал на этой увесистой сковороде котлеты величиной с ладонь. Одновременно она запихивала узкие щепки в ярко пылающую печку. Виртуозно захлопнув ногой черную заслонку хозяйка обернулась и увидев Марту недовольно отвернулась. Марта успела только заметить ее покрасневшие, изможденное лицо и поджатые губы. Лекс проходивший кухню вслед за Мартой, разрядил обстановку громким возгласом,» Тетя, я безумно голоден! "Марта обернулась на его крик, хотела улыбнуться и поддержать энтузиазм племянника, но снова не разглядела его лица в темноте коридора. Она только успела заметить как он, что то быстро отдал Веронике Львовне через узкий проем двери.

Коридор закончился и они оказались в небольшом холле, обшитом деревянными панелями, тоже уже потемневшими от времени. На двух высоких этажерках, по углам, стояли керосиновые лампы. В целях экономии они еле -еле поблескивали затухающими огоньками. Кэти подкрутила маленькие фитильки и свет стал ярче. Тот самый желтый, мягкий свет, который дает открытый огонь ламп, свечей, костров. и пожаров. Марта увидела несколько плотно закрытых деревянных дверей с тяжелыми бронзовыми ручками, а прямо перед ними двойные нарядные витиеватые двери застекленные разноцветными витражами. Она видела их мельком, в свое первое посещение дома Вероники Львовны. но так торопилась тогда, что не стала ничего рассматривать подробно. В хорошем настроении, в летнем ярком свете все кажется проще и естественнее, чем в темноте холодного ноября.

– Кэти, -насмешливо спросил Лекс, что то сегодня не вижу обуви для дорогих гостей.

– Не велено, сегодня, – мрачно ответила неулыбчивая сестрица Вероники Львовны и распахнула витражные двери.

Марта поняла, что Лекс хочет сделать вечер более дружелюбным и спокойным. Она видела и понимала, а может и чувствовала, каким то шестым чувством. что напряжение в этом доме растет с каждой минутой. Опасения, сопоставления и страх снова навалились на нее. Сейчас перед этими дверьми она уже не видела выхода. Не видела того места куда может убежать. Все это заставляло ее молчать и прислушиваться к каждому звуку.

Кэти неспешно вошла в комнату и начала щелкать невидимыми выключателями. Комната просияла уютным вечерним светом, а Марта снова увидела это вытянутое бледное лицо в свете уже электрических ламп и подумала, что Екатерине Львовне лет, наверное под сорок, а то и больше, и вид у нее как у отчаявшейся старой девы.

Комната за витражными «воротами» оказалась огромной застекленной террасой, которая использовалась как столовая. Длинный стол занимавший все пространство освещался двумя низко висящими абажурами. С них свисали бисерными подвесками, зелено -серебристыми, и видно, что ручной работы. Стулья с высокими спинками жестко придвинутые к столу, напо-

минали покинутые королями троны. Стол был застелен белоснежной “ камчатной “ скатертью. Вдоль стены стояли буфеты с посудой, этажерки с цветами, а за огромным дубовым шкафом она заметила диван с жестким кожаным покрытием и полочкой с мраморными слониками. Ей показалось, что она перенеслась в другое время, где еще нет метро, никто не знает, что такое шоу”Поле чудес», а синематограф диковинка для горничных. В этой столовой она не заметила ни телевизора, ни телефона.

Стряхнув оцепенение, она улыбнулась и как это принято у воспитанных гостей предложила свою помощь в сервировке стола к ужину. Кэти фыркнула:

– Вот еще! Ты гость, вот и сиди! Это мое место. Она скинула пуховый платок на диван и удалилась в кухню, к Веронике Львовне.

«Черт, подумала, Марта, что делать, что говорить? Почему так все сложно в такой простой истории? Она с трудом отодвинула «королевский» стул от стола и села.» Я хочу есть так как не хотела еще никогда, наверное!» – подумала Марта. Она положила руки на скатерть и ощутила ее крахмальную шелковистость.

– Милейшая Марта, не стоит здесь устанавливать порядки, о чем то просить и, вообще что то делать. Здесь место для ваших ответов, а не для ваших вопросов, – холодно и даже строго сказал Лекс, в один миг разрушив очарование ретро – вечера в старинной усадьбе. Он наклонился и погладил свои и без того ровные, коротко стриженные волосы, смотрясь в осколок зеркала у диванчика.

– Я не часто бываю тетушки, сейчас хочу ей помочь разрешить этот конфликт. К тому же время пришло и Луна близко.

Марта опешила. Ее возмущению не было предела. :

– Нет никакого конфликта! – начала Марта, ей казалось, что она очень убедительна -У меня закончились деньги, я студентка, я найду работу и заплачу. И если у вас оплаты распределяются по фазам Луны, то это по крайней мере странно, если не сказать дико для человека двадцатого века. -И вообще я хочу уйти, давайте встретимся завтра. Все это до невозможности нелепо.

Она резко встала, рассчитывая сможет ли она пробежать обратно по темному коридору, но Лекс подошел и с усилием усадил ее обратно. Она почувствовала острую жесткость его пальцев и ту власть, которую он явно хотел ей показать. Он сжал ее плечи и пододвинул к ней пачку журналов, которые взял на этажерке. Он наклонился над ней так будто хотел обнять и она снова почувствовала запах сигар, кожи, и едва уловимый аромат амбры. Самый модный аромат сезона. Лекс стянул свою тонкую перчатку и открыл старинный журнал перед ней. Альбом лежал сверху и сразу привлек внимание Марты. Она заметила на обложке изображение букета бордовых астр и название «Пробуждение».

– Вы любите стихи, Марта? спросил он вполголоса. Этот вопрос и весь его тон был настолько неуместен для голодной девчонки, уволенной с работы и оставшейся без денег, что Марта посмотрела на Лекса раздраженно и с сомнением в его разуме.

«О чем он говорит? Скоро мне будет негде жить, а он показывает мне альбом со стихами! Но «племянник “ увлеченно, с каким то трепетом, открывал страницу за страницей.

– Смотри, их здесь много. Он листал альбом и Марта невольно тоже начала рассматривать пожелтевшие страницы с изумительными старинными гравюрами, исписанные изящным женским почерком. Это были стихи начала века. Она почему то, невольно провела пальцем по строчкам и почувствовала шероховатость давно высохших чернильных строк.

– Криворукая! Подними немедленно! Боги, я знала, что это будет ужасный вечер! Алексей! Срывающийся на визг истеричный крик Вероники Львовны разрушил очарование момента. Марта вздрогнула и отодвинула альбом, Лекс тоже резко выпрямился и,с раздраженным криком «да что ж такое?», быстро вышел из столовой. Марте показалось, что он испугался, что он нарушил какое то табу этого темного одинокого дома.

Шум из кухни был вслеленским. Марта слышала низкий недовольный голос хозяйки, но не могла разобрать ни слова. Так говорят люди, когда не могут скрыть эмоций, но не хотят. чтобы их кто то слышали.

В столовую быстрым шагом вернулся Лекс со стопкой фарфоровых тарелок. За ним семенила Кэти хлюпая носом. В руках у нее был широкий поднос с огромной фарфоровой супницей Было видно, что она еле справляется, удерживая на подносе эту супницу из последних сил. Марта вскочила, чтобы помочь. Сестрица «Тень “ злобно зыркнула на нее и прошипела -Я справлюсь. Отойди от меня!

Марта опешила от ее необъяснимой и внезапной грубости. «Ну ладно, ладно» подумала про себя девушка и краем глаза посмотрела в сторону племянника. Тот сосредоточенно расставлял белые тарелки на белоснежной скатерти и не смотрел в ее сторону. Лицо его опять изменилось и серьезный вид и его сосредоточенное застывшее лицо, все казалось надуманными и странным. Смотря на него Марте на миг показалось, что его фигура потеряла объем и она видит только его силуэт. С того момента как Лекс вернулся с кухни, он будто перестал замечать Марту. Он не обращался к ней не смотрел в ее сторону. Со стороны вполне можно было подумать, что они не знакомы.

«Так странно, -подумала Марта, отойдя к темному окну.– меня пригласили для разговора, но я чувствую себя лишней. Со мной вроде хотят поговорить и тут же прогоняют. Напоминает игру в фанты: -«да и нет не говорите, черного и белого не называйте. Девушка заглянула в заснеженное окно и ее усталое лицо многократно отразилось в ромбиках террасных окон. В темноте она заметила, что собака, так злобно облаявшая ее, бродит вокруг дома. Ее спускают с цепи ночью. Ну да, правильно, -решила Марта. Моя бабушка тоже так делала.»

Она постучала по стеклу и длинноногая хаски, заметив ее через окно, злобно оскалилась. Марта в ужасе отшатнулась. Ей показалась, что морда собаки испачкана кровью. “ Наверное крысу загрызла. Они же ее не кормят».

– Добрый, добрый вечер, всем моим друзьям и недругам, и тетушке и дядюшке.

Неожиданный возглас был настолько резким среди тишины этого безмолвного дома, наполненного тенями, запахами и нехорошими предчувствиями, что Марта резко обернулась. Она услышала выстрел новогодней хлопушки и в воздухе запахло серой. Раздражение и непонимание заставили ее злобно посмотреть на вошедшего, но удивление было больше ее злобного голодного раздражения. В широкий проем распахнутых дверей, на инвалидной коляске, въехал Семен Иванович Водовоз. Марта готова была поклясться, что это был он. Грузное тело свешивалось с сиденья, а ноги в залатанных унтах упирались в кривую скамеечку. Отличала его от Водовоза только черная повязка на одном глазу. Под мышкой он держал горшок с фикусом, а на коленях мягкой подушкой свернулась кошка. Она не проснулась даже от крика Водовоза.

– Семен Иванович? удивленно спросила Марта.

– Никак нет, – расхохотался громогласный инвалид. Жирное его лицо задрожало и изо рта брызнули слюни. Когда Марта была уже готова закричать “ Да, что черт возьми, происходит?, она услышала знакомый голос хозяйки:

– Прошу любить и жаловать- Михаил Михайлович Червонский. Он мой дальний родственник- Для меня и, конечно любимого племянника – МихМих.

Из- за спины Червонского, высоко подняв над головой блюдо с пирожками вышла сама Вероника Львовна. Она была одета в черное бархатное платье и волосы ее были так красиво уложены, что можно было подумать, что хозяйка провела в бигуди пару часов.

Марте показалось, что она попала в какой то театр абсурда. Племянник, бледная шипящяя Кэти, а теперь еще этот Михаил Михайлович. Как он вообще здесь оказался? По этому коридору двое не разойдутся, не то, чтобы на коляске проехать.

Прошу всех за стол. – жестким, безэмоциональным голосом сказала Вероника Львовна устанавливая блюдо с мелкими золотистыми пирожками посредине стола.

Лекс давно уселся за стол не дожидаясь официального приглашения. Он развалился на стуле, мерно постукивал вилкой по скатерти и наблюдал эту сцену с презрительным, и Марте даже показалось – брезгливым выражением лица.

Скрипучий звук отодвигаемых тяжелых стульев вернул ее действительности. Девушка казалось, что она теряет сознание то ли от голода, то ли от напряжения. Она не признавала слово страх и никогда в нем не признавалась. Ей больше нравилось слово «беспокойство». Признаться, что она чего то боиться было для Марты хуже самого страха. С детства ей говорили «Ты должна быть смелой». Она ей стала, но это самое «беспокойство» все равно осталось.

Сейчас, понимая, что все расплывается перед глазами, Марта решила, что самое безопасное место -это место рядом с племянником, Алексеем Ильичем. Среди этой компании он казался самым спокойным и, наверное, лояльным к ней, потеряшке и злостной неплательщице. Она уселась рядом с ним, на стул с высокой спинкой и улыбнулась Лексу, но он отвернулся от нее будто и не заметив ее присутствия.

Вероника Львовна открыла огромную крышку супницы, но к удивлению Марты в ней был не суп, а гора тех самых огромных шницелей. Похоже это был предмет ее гордости. Поджаренные, блестевшие от жира они выглядели очень аппетитно, особенно для оголодавшей девушки. Большие часы на стене мелодично пробили шесть раз.

«Не может быть! Мы здесь не меньше часа» – тревожно подумала Марта, мы вышли из машины без пятнадцати шесть! Она посмотрела на бронзовые стрелки за стеклом и должна же была поверить своим глазам. Вертикальная стрелка указывала назначенное время.

Ужин начался. МихМих расположил свой фикус по правую руку и Марта заметила, что инвалид что то «сказал» цветку в горшке. Кошка спрыгнула с его колен и отправилась в путешествие под стол. Вероника Львовна лично положила каждому на тарелку по увесистому шницелю пахнущему луком и ароматной приправой, налила из графина по стакану розового компота и высокомерно произнесла “ Когда я ем я глух и нем.» Все склонились над тарелками. Марта не привыкшая к еде в молчании, обвела взглядом всю компанию, но поняв, тетушкин призыв здесь буквален схватила вилку.

Марта показалось, что она смолотила свой шницель не жуя. Все размеренно пережевывали пищу в полном молчании. Торжественность была такая, что ей вспомнились звуки органа в ее любимом Домском соборе. Марте хотелось еще, но никто не предлагал и она смело привстала и решила продолжить пирожками. Загрузив на тарелку несколько аппетитных пухленьких пирожков, она решила не церемониться, раз терять ей нечего и начала уплетать их запивая компотом. Кувшин стоял пямо перед ней и девушка щедро подливала в граненый бокал на высокой ножке, приторно сладкой жижи. “ Мне что то не везет с едой последнее время, иронично думала Марта. То баклажаны у Милицы, то колбаса, а теперь еще и этот ужасный компот.»

– Этот компот, сестра делает из яблочек нашего сада. Каждый год, в августе. Мы ей очень благодарны.-громко сказала Кэти не поднимая лица от тарелки. Марта замерла вместе с пирожком в руках и удивленно посмотрела на нее. «Она читает мысли?. да ну, не может быть. Сестра хозяйки продолжала жевать шницель не поднимая головы. Ее блеклые волосы выбились из пучка и свешивались жидким локонами над тарелкой. Вся она являла собой покорное уныние.

Вероника Львовна сидела во главе стола прямая как струна и аккуратненько резала шницель блестящим ножом на мелкие кусочки. Поддев их на кончик вилки она отправляла кусочки в полуоткрытый рот будто стесняясь открыть его пошире. Когда она жевала то напоминала крысу. Кончик ее носа с большой бородавкой шевелился при каждом движении.

Посмотрев на свою пустую тарелку Марта испытала чувство вины. Она съела все раньше всех, но за это хвалят только в детском саду.

– Девочка, -медленно произнесла Вероника Львовна. -Марта посмотрела на нее и по торжественному и даже трагичному лицу хозяйки, поняла, что пришел тот час расплаты или суда к которому ее везли сюда через всю Москву. Худое, вытянутое жизнью, характером и жадностью, безжалостное лицо Вероники Львовны будто просияло в свете абажуров и керосиновых ламп.. «Сколько ей лет? "-первый раз спросила сама себя Марта. Рассматривая ее сухие руки и подрагивающие губы она подумала бы, что ей лет шестьдесят. А ведь такой мумии могло быть и девяносто.

– Ты сыта, девочка? Как там тебя? Марта? Вероника Львовна брезгливо поморщилась, делая вид, что забыла это «незначительное» имя – Смотри- ка, ты не платишь денег, а я приглашаю тебя на ужин, кормлю за своим столом, и заметь! ничего не прошу взамен. Он назидательно подняла вверх указательный палец и Марта заметила блеск золотого кольца.– Пока не прошу. До этого прекрасного вечера. Старуха выпрямилась за столом в полный рост и заметно «подросла». Она напоминала длинную спицу. Голос ее тоже изменился. Стал певучим как у заклинателей змей.

– Время пришло платить по счетам! воскликнула она и встала, уронив свой тяжелый трон. Стул упал с неимоверным грохотом и все оглянулись на Марту. Три пары горящих злобой и ненавистью глаз уставились на нее.

Единственный глаз Мих Миха и без того круглый и выпученный, торчал на лице как кнопка от звонка. Губы его шевелились сами собой, то ли пережевывая, то ли бормоча что то. Кэти закинув ногу на ногу, тоже самодовольно рассматривала девушку, скорбно покачивая головой.

Не обращая внимания на упавший стул, Вероника Львовна вышла из за стола и начала прохаживаться вдоль окон нервно заламывая руки. Марта никогда не видела хозяйку, всегда сдержанную, в таком возбуждении. Она невольно не могла отвести взгляд от хозяйки и рассматривала ее черное нарядное платье. Вблизи стало заметно, что нарядным оно было давным давно и на бархатных рукавах видны блеклые проплешины. А вот тяжелый медальон, на толстой цепи был дорогой и скорее всего редкой авторской работы. Марта разглядела выпуклую крышку украшенную драгоценными камнями, но увидеть, что там изображено не могла

.-Я добрая, очень добрая женщина и эта доброта губит меня.-с надрывом говорила Вероника Львовна.– Я содержу инвалида, который сам не может заработать на хлеб. Тут она подошла к Червонскому и положила руки ему на плечи, изображая покровительство и поддержку. МихМих заулыбался, подхватил на вилку шницель и победно поднял его как заздравный бокал.

– Я содержу свою несчастную сестру, которую с трудом вырвала из лап нечистоплотного жениха. Мерзавец хотел погубить это чистое создание. Кэти закрыла лицо руками и громко, даже излишне громко, всхлипнула. Вероника Львовна наклонилась над сестрой, поцеловала ее в макушку и почти нежно убирая ее руки от лица, спросила дрожащую «тень» -Катюша, ты счастлива здесь?»

Катерина Львовна молча закивала головой. Марта внимательно посмотрела на Кэти и прикинула сколько десятилетий назад Вероника Львовна «спасла» свою сестру. Минутный ужас и растерянность, охвативший Марту сменился возмущением. Весь этот ужин должен был напугать ее, но она ясно и видела, что ее хотят обмануть и запугать. “ Все слишком наигранно». Марта посмотрела на Лекса. Он молчал. Его лицо было напряжено и сосредоточено. Он не сводил взгляд с тетушки и Марта видела, что он очень заинтересован, как зритель в театре, развитием событий. Где то хлопнуло открытое окно и морозный ветерок просочился в комнату. Тетя подскочила к дивану, схватила пуховый платок сестры и заботливо укрыла ей плечи изображая заботу. Кэти ответила ей преданным и благодарным взглядом.

– Ты понимаешь, что ты сделала не заплатив за квартиру, Марта Кристова? -продолжила свою обвинительную речь Вероника Львовна – За мою милость и снисхождение к тебе?

Посмотри, ты отняла эти деньги у неимущих, у этих обездоленных людей.! Она быстро подошла к Марте и жестко чеканя слова произнесла – Что ты скажешь на это? Как будем расплачиваться? Марта резко вскочила и заорала “ Я заплачу! Просто мне нужна работа и стипендию я получаю. Я заплачу и найду себе другую комнату. К чему это представление!?

– Тебя уволили сегодня! Уволят завтра, а потом и послезавтра. Выгонят из института, если ты сейчас же не заплатишь!. Лицо Вероники Львовны исказилась. Она стояла возле стола и низко висящая лампа подсвечивала снизу ее серое лицо. В таком невыгодном ракурсе оно казалось неживым, каменным, застывшим. Марте даже показалось, что у хозяйки разорван рот, а стеклянные глаза будто смотрят сквозь нее. Марта перевела взгляд на Кэти, но та почему то заснула на своем стуле бессильно свесив руки вдоль тела. Ее голова свесилась на грудь как боксерская груша уставшая сопротивляться. МихМих посмотрел на растерянную Марту, расхохотался и весело сказал -” Нам очень нужны твои деньги!» Он закинул себе в рот пирожок целиком и подмигнул ей. На стол запрыгнул серая кошка Червонского и отправилась прямиком к Марте жалобно мяукая и даже не интересуясь шницелями на столе.

«Они все сумасшедшие», подумала Марта. “ Я попала на сборище ненормальных». Внутри у нее все дрожало. Она слышала не только биение своего сердца, где то в ее животе, что то сжалось и холодный жар и тошнота мешали дышать. Горький липкий страх наползал как ночной кошмар. Больше всего хотелось убежать, но она понимала, что ее уже не выпустят отсюда. Она снова тревожно посмотрела на Лекса, посмотрела ища хоть в ком то поддержки. Сейчас и он смотрел на нее. Его голубые глаза, казалось были наполнены слезами, но это был только отблеск от желтоватых огоньков керосиновых ламп. Мысленно она спросила его «Почему?», но вслух ничего не произнесла. Она почувствовала, что он и так ее понял.

– Марта, выход есть и я могу показать вам его. -сказал племянник, холодным уверенным голосом бизнесмена из американских фильмов. Того самого бизнесмена, который и деньгам счет знает и на сантименты не разменивается.– Вам нужно будет поработать. Но не в вашей тухлой бутербродной, а у нас, во Дворце.

«Он больше не говорит мне ты. Интересно почему? “-мелькнуло в голове Марты.

– Ты слишком великодушен- проворчала Вероника Львовна. Она взяла в руки свой старинный медальон и щелкнув крышечкой заглянула внутрь.– Не знаю будет ли это одобрено. Марте показалось, что в медальоне у хозяйки фонарик, что то блеснуло ярким светом на ее впалые щеки.

– У моего племянника слишком идеалистичны представления о таких как ты, -бросила Марте тетя и с силой захлопнула медальон.

Таких как я. А что со мной не так? Марта забеспокоилась по настоящему и тяжкая обида также заползла в сектор ее души с подписью ««гордость». «Беспокойство» уже больше всего напоминало страх. Страх граничащий с животным ужасом жертвы, ужасом от беззащитности и безвыходности положения. Напуганная девушка поймала себя на мысли, что за последние сутки она выслушала столько гадостей в свой адрес, сколько не слышала за все девятнадцать лет своей жизни. Ее вечная вера в светлое будущее, уверенность в завтрашнем дне, все это осталось где то очень далеко.

Она посмотрела на Лекса, в его спокойное и такое привлекательное лицо, и спросила почти не дыша – И где же это работа?

– Во дворце. Работа рядом с домом это же так удобно. Мы заключим договор. Обычная сделка.

_____

Настенные часы пробили семь. За деревянной дверцей блеснул начищенный до блеска маятник.

– Вот, в этом и состоит все это крайне простое предложение -тоном терпеливого учителя сказал Лекс. Он стоял к ней спиной и она видела только его затылок с коротко стриженными

волосами. Его безупречно отглаженная белая рубашка, ослепительная и нарядная, резко контрастировала с «антикварностью» и заброшенностью обстановки столовой.

– Все делается в этом мире через связи и знакомых, -назидательно продолжил Лекс. Если бы не покровительство Вероники Львовны, вы Марта Андреевна, вряд ли получили бы такое отличное предложение, – резюмировал он и развернулся к Марте.

Все это время Марта сидела на стуле посредине столовой и сытая компания с удовольствием и любопытством рассматривала ее, пока Алексей Ильич неспешно излагал девушке условия ее новой службы. Весь вечер «Племянник» не смотрел в ее сторону, да и вообще ни на кого в этой комнате. Он производил впечатление чужака, в столовой тети и ее родственников.. Он был слишком красив, слишком независим и слишком умен. Власть, которую он сейчас показывал и с которой трудно было спорить была несравнима с мелочной злобой Вероники Львовны или сытым довольством Червонского. Это было что то другое, с чем Марта еще не сталкивалась. Когда Лекс начал говорить, то обставил все действие как театральное представление. И этот высокий стул посредине комнаты, и зрители с горящими от нетерпения глазами и, (как только сейчас заметила девушка),золотыми зубами. Сам же «режиссер» бродил вдоль окон и поливал из маленькой зеленой леечки коллекцию цветов Вероники Львовны. Он беспрерывно говорил, жестикулировал и двигался вдоль”рампы» заставляя «зрителей» поворачивать головы вслед за ним.

«Он отлично держит аудиторию», подумала Марта. Ей, историку, это напоминало суд инквизиции, но только вместо костра она получила год исправительных работ в папском дворце. “ Я напрасно так волновалась. Все так просто и действительно удобно. Не даром Водовоз говорил, что я счастливчик.»

Марта любила себя именно за позитивное мышление и сразу же успокоилась услышав предложение о странной, но все таки оплачиваемой работе. Она уже вполуха слушала Лекса и погружалась в свои мысли, строила планы на следующий день и монотонный голос племянника ей стал не интересен. Все же нормально. Все улаживается. Работа будет, значит будут и деньги. Она расплатится за комнату, а если сдаст сессию на отлично, то получит повышенную стипендию и вообще – «заживет». Действительно, что может быть проще- работать зимой помощником в Останкинском дворце -музее? Музей зимой всегда закрыт, ведь он всерьез не реконструировался с «графских» времен и в усадьбе, до сих пор, печное отопление. Великое государство предпочитает закрывать Дворец в холодное время и не тратиться на пожароопасные дрова. Оказалось, что зимуют там не только сторожа, но и смотрители- хранители. Они контролируют состояние экспонатов, присматривают за хранилищем. Марта частенько проходила мимо кованой ограды Шереметьевского Дворца, по дороге домой. Слабый свет пробивающийся сквозь закрытые ставни и толстые шторы на втором этаже интриговали ее лучше любого детектива. Истории сами, одна за другой, рождались в ее голове. Таинственные хранители, а скорее всего, обычные сторожа, тенями мелькали вдоль окон. Старина и ее нераскрытые тайны, вот, что привлекало девушку с самого детства. Ее выбор истфака был не случайностью, а закономерностью.

Марта пропустила мимо ушей подробности, «частных экскурсий организованных бизнес -гением Лекса. Ее это скорее забавляло, чем пугало, хотя она и не поняла до конца смысл и характер этих экскурсий. В душе Марта чувствовала, что есть в этой истории, что то противозаконное, что то на грани «можно- нельзя», но сейчас думать об этом не хотелось.

Рассеяно разглядывая компанию родственников тети, она раз за разом натыкалась на скептический взгляд Вероники Львовны. Этот взгляд не отпускал ее. Она видела в нем и насмешку, и власть, и что то неуловимо издевательское. Кошка Мих Миха давно сидела у ее ног и вяло мяукала, а сам МихМих увлеченно доедал пирожки тетушки причмокивая и запивая компотом прямо из кувшина.

Все. Все хорошо, думала Марта. Девушка расслабилась и устало откинулась на спинку стула. Ее блуждающий взгляд, переходил с одного лица на другое. Голос племянника стал каким то отдаленным и еле слышным. Девушка находилась в " где – то» между сном и реальностью. Хватаясь за чувственные ощущения она встала и почему то заплетающимся языком произнесла. – Мне нужно домой. Завтра лекции. Скоро сессия.

Марта не узнала свой голос. Он вдруг стал хрипловатым, будто бы она курила по пачке сигарет в день, а звук напоминал металлическое дребезжание. Глаза предательски закрывались. Она терла их, ей казалось, что они наполнились песком. Все замерли и молча смотрели на нее.

Девушка раздраженно терла глаза и повторяла – Мне нужно домой. Домой.

Ей уже ни к чему было бороться со страхом. Он захватил ее, он проник в глаза, в руки, ноги, ощущения. Марта видела все сквозь пелену слез.

Лекс подошел к девушке и взял за руки. Его прикосновение было мягким, ласковым и успокаивающим, хотя несколько минут назад он холодно чеканя слова излагал ей свою бизнес-концепцию.

– Марта, – тихонько позвал он, таким голосом каким будят детей по утрам, – Марта,

– Я отвезу тебя домой, но сейчас ты должна согласиться выполнять совсем простые условия моей тетушки. Они связаны …, Вероника Львовна не дала ему договорить:

– Они связаны с этим домом.– резко и необычно громко сказала, Вероника Львовна. В полусонной тишине столовой ее голос прозвучал необычайно громко.

– Вы должны, детка, каждый третий день приходить сюда и помогать моей обожаемой сестре во всем. Во всем, о чем бы она не попросила.

Сквозь странную пелену перед глазами девушка старалась рассмотреть хозяйку. Та скинула кошку с колен и отряхивая подол бархатного платья на удивление быстро, подошла к Марте и схватила ее за руку как и Лекс, но рука старухи была холодная и сухая. Девушка смотрела на нее исподлобья стараясь сконцентрироваться. Никогда еще Марта не была так зла.

– Я буду вашей горничной?

– Ты будешь помощницей. Помощницей моей сестры. Она обездолена, а тебе, малышка, слишком много того, что у тебя есть. Я все сказала. Ты согласна на мои условия?

– Сколько времени это займет? Мой долг не такой большой.

– Наплевать. -злобно ответила Вероника Львовна, просто скажи «да», а со временем я разберусь.

– Да, да, Да! – грубо закричала Марта и выдернула руки, которые как клещами держали хозяйка и племянник. Лекс отступил.

– Не похоже, чтобы Кэти нужна была моя помощь! Девушка хотела спросить об этом у самой «тетиной тени», но Кэти в столовой уже не было, только ее пуховый платок висел на спинке стула.

– Не кричи, прошипела тетушка, – здесь не кричат. Это дом тишины и размышлений, а не глупых криков! Здесь берегут каждую минуту, каждую копейку и воздают по заслугам, а не потому «как фишка ляжет». Лицо ее побагровело, Марта испугалась, что Вероника Львовна сейчас ударит ее..

Она сделала шаг назад и снова наткнулась на Лекса. Каким то образом он все время оказывался за ее спиной. Лекс накрыл ей плечи пуховым платком Кэти и прижал к себе успокаивая- Ну-ну, Марта Андреевна, все хорошо. приговаривал он, -Пойдем, я отвезу тебя в твою конурку, а завтра будет новый день и новая жизнь.

Марте ясно услышала, что за окном заржали кони и зазвенели колокольчики как на русской тройке. Песок из глаз вышел с неожиданными, для нее самой, слезами. Все превращалось в фантасмагорию бредового сна. Ее уверенность, что все закончилось хорошо, были убиты внезапным психозом хозяйки.

Марта вырвалась из цепких рук Лекса и пошатываясь подбежала к окну. Конечно никаких лошадей и троек она не увидела, но заметила, что черная “ Волга “ племянника стоит «под парами» совсем близко к дому.

– Хорошо, Лекс, -глухо сказала она, – пойдем. Отвези меня домой. Продолжим завтра. Мне надоел этот» незабываемый ужин» у тетушки. Марта понимала, что она намеренно грубит защищаясь от незаслуженных унижений.

Руки и ноги плохо слушались, как это бывает у полусонного или очень уставшего человека. Марта посмотрела на настенные часы – они показывали половину одиннадцатого. Получается, что с семи часов, она ни разу не слышала как часы отбивали время.

– Мне нужно одеться, – неожиданно спокойно сказала Марта и обернулась чтобы попрощаться с «обществом», но замерла как, наверное замирают «профаны» в шатре фокусника. Перед ней была совершенно пустая столовая, Тут не было ни Червонского с кошкой и фикусом, ни Кэти, ни самой хозяйки. Перед ней стоял Лекс уже одетый в свою шикарную дубленку. В руках у него была ее серебряная куртка и белые сапожки.

– Я могу спросить, «где все»,? Ты можешь объяснить? -спросила она. Ответом было спокойное молчание. Быстро одевшись, Марта подняла голову и пристально посмотрела на племянника. Смотрела она отчаянно и бесстрашно и даже с дерзким вызывом. Она видела, что он «читает» ее..Ее спокойствие смутило Лекса, она это заметила и еще внимательнее вгляделась в его лицо. Девушка смотрела в абсолютно чужие, но необъяснимо, знакомые глаза. Голубые глаза, Лекса меняли свой цвет прямо сейчас, под ее взглядом. Русалочья зелень заволокла голубизну. Ей казалось, что вот-вот, как в сказке про дары фей, его глаза упадут голубым сапфиром, заменив его на яркий изумруд. Пронзительный небесный взгляд стал двуличным зеленым. «Какая я фантазерка» -остановила себя Марта и торопливо накрутила шарф.

Лекс усмехнулся Сарказм, злая ирония, все было в этой усмешке.

– А ведь я не видела как он ест. Зачем я об этом думаю? -быстро подумалось ей.

Все жующие рты проносились в ее воспоминаниях, но лица Лекса там не было, хотя каждую минуту она ощущала его присутствие.

– Как нибудь, потом, может быть, я расскажу. А может никогда. Внезапный ответ все расставил на свои места.. Марте поняла, что обманулась. Лекс вовсе и не поддерживает ее, нельзя на него полагаться. Девушка почувствовала себя смертельно усталой и ужасно разочарованной. Она снова, на одно мгновение, задержала взгляд на лице Лекса и оно сново стало игривым, молодым и лукавым. Она хотела улыбнуться в ответ, но в один миг все исчезло. Будто кто то стер реплики и написал новые.

– Поторапливайся! Нас ждут. И больше не забывай звонить если тебя об этом просят, -раздраженно бросил «племянник “ Марте, тон его стал грубым и властным.– Вперед!.

Лекс открыл дверь террасы, прыгнул в рыхлый сугроб. и протянул Марте руку. Сейчас он был по настоящему раздражен, зол и с трудом сдерживался. Девушка не стала рассуждать и вышла в открытую дверь прямо на руки к «племяннику».

———

Она напугана. Потерялась как Chaperon Rouge в нашем лесу. Месье Шарль П. был затейник, но и тогда связь с маленькой девочкой осуждалась. Она только выглядит маленькой. Есть в ней что то несгибаемое. Смешной носик. Она обнюхивала пирожки как лисенок. Смешная. Сейчас посмотрим. Тетушка оставила здесь не самую лучшую колоду. Старая, но лак не стерся. Умели делать изящные вещицы.

Мне кажется, что я чувствую ее запах через стену. Слышу ее дыхание. Если хочешь знать как спят дети открой дверь и посмотри на Марту Кристову. Она сияет. Негаснущий теплый кусочек света в холодной комнате. Когда ты впервые приснилась мне я не поверил, что такое может быть. Я звонил Бальтазару целый день. Когда я рассказал о тебе все трое подняли меня на смех. Все были убеждены,, что твоя линия давно стерта. Ты не могла, просто не могла суще-

ствовать Меня никто не хотел слушать. Мельхиор поспорил со мной на коробку сигар. Он проиграл! Обожаю сигары!

Ты такая наивная! Помнишь ты в шутку гадала с органисткой в Домском Соборе? Ночь Всех Святых, пьяный сторож и отключенная сигналка. Немыслимое нарушение правил, между прочим. Свечей нажгли от страха на полгода вперед. Но тебя это не остановило. Там все и увидели тебя, там нашли, там и решили твою судьбу. Я доказал им, что ты существуешь. Тридцать первого октября под звуки органа, началась наша охота.

«Раз, два, три расскажи кто ты.» Карты сами падают на столик. Ты моя жертва, мой план, моя, моя, моя. Что я должен тетушке? Ничего. А ты милая должна ей теперь все. Она проводник столетий. Мы приходим вместе с Луной на эту охоту через нее, уже много -много, ты даже не представляешь насколько много, столетий. В этой колоде лучшие королевы! Если тетушка получит то, что хочет, то я получу тебя. Точнее добуду. Но это -тсс, моя тайна. Ты семнадцатая звездочка, а должна стать восемнадцатой луной. На то время пока я здесь. Самая большая Луна. Самые лучшие лучи. Фантазии которые всегда исполняются. «Помни сын Земли! “. Папюс был слишком пафосным. Кроули превратил все в фарс и бизнес. Я не сын Земли, во всяком случае не этого ее варианта, я живу по другим законам.

Вот я достал твою карту, моя девочка. Нулевой Аркан. Кто то скажет Дурак, но я скажу Шут. Шут все видит, шут ближе всего к королям, шут так свободен как может быть свободен только дурак. Аркан проигрался, ты подружилась с верным псом, шагнула в неведомое не замечая открытой пасти крокодила. Это только начало. Твоей вины нет. Ты безвинна своим неведением. Дурак всегда оправдан.

Я видел как ты потерялась сегодня, как Песочный человек засыпал твои глаза, как Мышильда прокусила твою голову, а я накрыл тебя «паутинкой “ вытканной из чужой судьбы и твоих неисполненных желаний.

Я прикрываю глаза и чувствую как ты дышишь. Тихо, спокойно. Сейчас я зайду в твой сон. Восемнадцатый аркан и четыре кубка. Мы поговорим, наконец то по душам.

Невозможная чушь это ваше искупление и возмездие. Двадцать шагов и еще два. Если выживет. Карты скользят по лакированному столу. Я обещал тебе ее, а сейчас, думаю, напрасно. Я ее открыл, я ее и заберу.

– -_

«Театр уж полон, ложи блещут». Я не должен тебя защищать, детка, и не должен спасать, но ты чувствуешь меня и сама не понимая этого управляешь мной. Сила твоих мыслей сильнее моих желаний. Ты пытаешься поймать меня. Я вижу как ты рассматриваешь мое лицо. Видишь как оно изменяется. Если б ты знала, что эти колебания видишь только ты, чтобы ты сказала на это? Если бы ты видела нить своей судьбы, которую я свиваю в клубочек. Справа налево, слева направо. Каждый миг распуская ковер твой жизни, что бы ты сделала? Из этих нитей ткут новые и новые кружева.

Из окна я вижу Дворец. Граф, коллекция у тебя не из лучших, но твой дворец они могли бы оценить и выше. Не Эрмитаж, конечно, но можно было хотя бы отопление провести. Здесь невыносимо скучные ночи. Кажется, что каждую ночь целый город умирает и воскресает только по звуку будильника. Мне не привыкнуть к этому.

Останкинская Башня. Серая спица на спине каракатицы. Если бы не она все было бы гораздо сложнее. Тогда, в незабвенном году, связь была установлена.

———

Марта проснулась слишком рано и торопиться было ни к чему. Вчера вечером она мгновенно уснула, только повалившись в подушку, но проснулась «разбитой», будто не спала. Ей что то снилось, но она не могла вспомнить, что именно.

Марта долго расчесывала волосы перед зеркалом, тупо уставившись в свое отражение. На нее смотрела бледная девушка, с заспанным вихром на затылке, синяками под глазами и пересохшими губами. Она бросила расческу и пошла на кухню. Сначала она хотела выпить чаю, но чай почему то кончился. Марта равнодушно выбросила картонную пачку и жадно попила воды прямо из чайника. Перед ней на стене висело расписание лекций и семинаров. Все первокурсники любят аккуратно писать расписание в начале года, как будто бы от этого зависит их будущее. Почему студентам кажется, что их жизнь будет распланирована и упорядочена? «Какая чушь, подумала Марта все совсем не так – ” Сегодня Древний мир и Библиография. Двойной семинар по истории культов. Черт, а мне еще вечером на эту странную работу. Надо позвонить маме. Но не сегодня. Идти на Главпочтамт, чтобы пробиться со своим звонком в Ригу, нет времени.» Марта раздраженно сорвала со стены тетрадный лист, еще вчера прикрепленный Лексом к драным желтым обоям. “ Не забудьте позвонить по указанному номеру. Тебе ответят и скажут, что делать дальше. Марта, это твой шанс. К Веронике Львовне через три дня. Ей звонить накануне. Удачи, Лекс».

«Да-да, я конечно, позвоню, конечно приду, «как то обреченно думала Марта и убрала записку в карман джинсов. Она посмотрела в окно. Темное ноябрьское утро начало розоветь, где то там, за Останкинской башней, обещая мороз. Она необычно для себя, медленно оделась, уложила тетради в спортивную сумку заметила, что ее коллекционный значок с гербом Риги пропал. Дырочки в сумке зияли обвинением «Ты потеряла». Острая боль потери кольнула ее, но осмотревшись вокруг она заметила значок под креслом. Марта достала его вместе с комком пыли («надо бы убраться!) и не узнала свою находку. Это был тот самый значок, с воротами, с ключами, но полностью утративший свое эмалевое покрытие. «Где это я его так?», подумала Марта, прикалывая любимый экспонат на место.

Выйдя из дома она решила поехать на трамвае. Навстречу ей прошла соседка с собакой но здороваться с ней не хотелось. Марта остановилась и все таки оглянулась, но соседка ускорила шаг, а потом и вовсе побежала.

«На работу, наверное торопиться. И что это со мной сегодня? Это день без улыбок? Звякнул подошедший трамвай. Марта, рванула к остановке и впрыгнула в скрипучие двери вместе с кучкой подмерзших пассажиров. Она облегченно опустилась в кресло и уже через минуту поняла, что вагон не отапливается. “ 1-Останкинский проезд, следующая!» прохрипел водитель, прокашлявшись в микрофон.» Марта нахохлился как воробей и подумала»,В таком холодном вагоне я далеко не уеду..Придется выходить у метро. Когда не везет с утра, это что то значит?»

Марта даже взбодрилась. Когда у нее что то не получалось, а это бывало редко, она начинала «воевать» с обстоятельствами и обычно выигрывала.

Народ набился в утренний трамвай. Полусонные граждане нависали над сидящей девушкой и она уступила место полной женщине в песцовой шляпе. Марта скептически решила что носить на голове такую шляпу -это уже испытание. Дама, молча, плюхнулась на место студентки. Марта снова взглянула на свою сумку усеянную коллекцией значков и для верности потрогала герб Риги. Да, действительно, эмаль будто стерлась и под пальцем она не ощутила шелковистой гладкости

– «Ерунда какая то, может я забыла что то?, решила Марта и посмотрела в окно. Останкинский давно проехали и уже подъезжали к метро. “ Метро ВДНХ! -проскрипел вагоновожатый, Марта перебросила сумку через плечо и выбежала из трамвая. В голове крутилось детское «глубокоуважаемый вагоноуважатый», стишки из детсадовского детства..Вагоноуважатый -это настоящая советская женщина- мать, жена и работник. Марту бесило, что тупая работа она для женщин. Странно, что в вагоне ее трамвая, водителем был мужик с прокуренным голосом. Но сейчас было не до этого. Она выскочила из трамвая и не обращая внимания на свистки, гудки, толпу желающих вовремя попасть на работу, кинулась к кафельному входу

в метро ВДНХ. «Почему кафель, быстро сбегая по эскалатору думала Марта,, это тот самый постоянный душ нашей системы. Душу нужен кафель. И кровь смывать удобнее., почему то подумала девушка уже запрыгнув в зелено-голубой вагон.

Двери закрылись не очень осторожно впихнув плотную толпу и Марте показалось, что перед ней Вероника Львовна и Червонский с фикусом. Она отогнала эти «видения» списав их на чувство долга и тяжкое подсознание. У вас есть тяжкое подсознание? Марта трагично представила себе «Тяжкое подсознание», улыбнулась и успокоилась. Прижавшись в углу, у пожарного крана она быстро, мелким почерком, переписывала телефоны, оставленные Лексом. Она не думала о вчерашнем дне, как о что то необычном. Во всяком случае старалась. Девушка абсолютно разумная, искала нормальное, рациональное объяснение всех вчерашних приключений свалившихся на ее голову. Воспоминания о Веронике Львовне и ее команде не относились к осознанной реальности и Марта забыла они них. Хотя бы на время. Для волнений ей было достаточно утреннего московского метро. Здесь все мешало всем. Ее толкали в бок, вагон дребезжал, а ручка в ее руке отказывалась писать.

Когда плотная толпа завалилась в вагон на Кольцевой – она поняла, что нормальный день, нормальной московской жизни началася. Ей захотелось даже расслабленно потянуться, но мешал мужик с лыжами. Его еще на» Алексеевской» прижали к ее сумке и она не шевелилась до самой «Колхозной!. Мужичок зыркнул на Марту из под очков и поправил соломенную шляпу. «Какой бред! подумала Марта выходя из вагона, – летняя соломенная шляпа и зимние лыжи!.»

Марта влетела в аудиторию в последний момент, когда утренняя перекличка уже началась. “ У меня было столько времени в запасе! Как я могла опоздать? думала она- «Ладно, пока Дед с кафедры “ Древнего Мира “ дойдет до буквы”К “ я уже отдышусь».

Марта вытащила тетрадь, разложила ее на откидной спинке и снова достала список номеров, оставленный Лексом. Длинные строки номеров, больше напоминавшие междугородние, выстроились в ровные столбцы в ее тетрадке. Она собрала в этот список все номера, которые когда либо давал ей Лекс и Вероника Львовна. «Надо двушек наменять, а то как я позвоню?. Мои „связи“ в деканате давно разрушены и я уже не войду туда хлопая глазами и не скажу этак просто -” Ой, Валерий Сергеевич, можно позвонить?». Меня и на порог не пустят.

«Привет, тоже опоздала? трагическим шепотом промычал ей в ухо Никита. Он выдохнул на нее свой “ Привет» всем вчерашним празднованием дня рождения Общаги. Марта почувствовала запах его пота, легкий запах алкоголя и недорогого парфюма..Девушка подняла голову и невыспавшееся лицо Никиты просияло над ней силой надежды на лучшее. Это до идиотизма радостное лицо вчерашнего ребенка, а ныне студента истфака показалось ей донельзя наивным. Он вообще казался ей излишне восторженным. Их знакомство было крайне романтичным, но она «отодвинула» эти воспоминания, а он не мог. Марта посмотрела на него совсем не так как смотрела вчера или несколько дней назад. Что то в ней изменилось, изменилось в тот день, а точнее ночь, когда она вошла в дверь с надписью «Служебный вход».

Не разобравшись до конца что же происходит, она не собиралась ни с кем делиться своими ощущениями и даже намекать на то, что с ней произошло. Поэтому она просто улыбнулась Нику. Потом немного подумала и дружески подмигнула.

Марта очень нравилась Никите и знала это. Он тоже очень привлекал ее. Их случайные поцелуи на студенческой вечеринке, на грани дружбы и влюбленности были непосредственны, простые и понятные. Рядом с ним она чувствовала реальность и обыденность, которая сейчас была ей очень нужна. В этой обыденности была стабильность. Это не пугает.

Ник, он же Никита, он же «Серый Лис» уже уселся рядом с ней. На самом деле он был «свой парень», он все понимал и его золотистые волосы, густые и красиво вьющиеся у висков очень нравились Марте. Она не знала за что его прозвали «Серый лис “, но прозвище ей нравилось тоже, как и имя Никита. Имя это было редкое и добавляло ему привлекательности Она

со своим „экзотическим “ для Москвы именем “ Марта“, тоже была не лыком шита, так, что они подходили друг другу по всем студенческим параметрам. “ Все понимал» -это для девушки был маячок, что с человеком можно дружить. Тот кто все понимал, то т умел вовремя и молчать и говорить. Он никогда не навязывал ей своего общества, но иногда это походила о на хищную охоту, где зверь с каждым шагом сужает круги вокруг жертвы.

Она смотрела на Никиту и собиралась уже спросить как вчера прошла вечерина изобразить этакий неподдельный интерес но тут в голове загудело, тяжелым жаром и руки стали потными. За спиной Никиты она, как наяву увидела профиль Лекса. Тот обернулся посмотрел на нее, поправил галстук, разжег сигару большой длинной спичкой и закурил. Марта вскочила с криком “ Откуда ты здесь?» Вся аудитория внимающая “ Деду Рамзесу 24 «обернулась в ее сторону, а она, как последняя дура стояла между рядов, но никакого Лекса рядом не было. Никита дергал ее за рукав и говорил трагическим шепотом, «Ты что?!, Сядь! Марта резко опустилась обратно, на скрипучее сиденье, тяжело дыша.

.«Это видела только я, этого больше никто не видит и не слышит, но я не параноик. Это точно. До десяти. Всегда нужно считать до десяти чтобы успокоиться.» И Марта начала “ Раз- я открыла сумку, два – достала тетрадь, три- я открыла ручку, четыре- стала писать. Пять мне сегодня тошно, шесть вспоминать вчера,, Семь – я одна средь многих, Восемь тобой создана». Губы ее шевелились, но вслух она ничего не произносила.

«Что со мной? Откуда эти дурацкие стихи? Что происходит! Марта обвела взглядом аудиторию. Студенты склонились над конспектами, а “ Дед “ монотонно бубнил о правление египетской царицы Хатшепсут. Делая вид, что ничего не произошло Марта убрала в сумку тетради и решила просто слушать лекцию. Это расслабляет. Лекции «Деда», с утра – отличная терапия, чтобы забыться. Боковым зрением она видела, что Никита не сводит с нее глаз, но это не был взгляд влюбленного, это было сочувствие и понимание. Так, наверное смотрел бы на нее брат, если бы он у нее был. Она улыбнулась, но не повернулась в сторону Серого Лиса. Она полностью погрузилась в свои странные ощущения невидимого присутствия.

Навязчивый аромат сигар окружил ее и щекотал нос. «Надо было соглашаться на общагу, а не лезть в эту историю со съемом комнаты» мелькнула разумная мысль. Марта прикрыла глаза, так, совсем слегка, чтобы через ресницы рассмотреть всех, но не показать себя. Сигарный дым стоял пеленой перед глазами. Ей даже хотелось протереть их от плотного сизого дыма, который мешал ей смотреть. “ Но не мешает тебе видеть» – услышала она где то внутри себя, голос Лекса.

«Царице Хатшепсут приходилось одевать золотую бороду, чтобы совет принял ее как правительницу. Талисман ее власти связан с мужским храмом Сета. В ее правление не было построено ни одного храма Богини- матери», – нудный голос «Дед» был каким то особенно навязчивым.

Вся эта история о египетской царице притворяющейся царем не захватила ее и девушка напряженно ждала перерыва. Пружина внутри ее рвалась наружу, но Марта не понимала, что это за пружина и куда ее, к чертям так несет? Она была готова сорваться с места в любую минуту, но послушно сидела рядом с Ником. даже не пытаясь записать лекцию. «Потом спишу. Наверное я просто голодная.

Звонок, совсем как в школе, заявил ей, что сейчас она свободна. временно, конечно, «Ибо студент, как говорил декан, это почти монах постигающий суть. Это схима, дети мои» Она так громко рассмеялась тогда и захотела процитировать Вийона и его «монашеские “ стихи, но сдержалась.

Марта схватила сумку и быстрым шагом отправилась в «катакобмы», подвал института, с трудно запоминаемым маршрутом. Там была достаточно убогая студенческая столовка с вечным запахом кислых щей и «элитный» буфет., где можно было съесть, гораздо дороже, что то вкусное. Кофе было тоже, только там.

Последний раз Марта ела на незабываемом, по нелепой театральности, пиршестве у Вероники Львовны.

Сейчас девушка решила подкрепиться основательно на честно заработанные семь рублей с копейками. «Заодно и деньги разменяю решила она, надо же позвонить по всем этим волшебным номерам. “ Она с благодарностью и какой то смущенной теплотой вспомнила Лекса, который не дал ей потратить последние деньги на такси. Она снова представила его значительную фигуру в свете ночных фонарей на «Театральной» и их сумасшедшую ночную езду.

Стоп, дорогая, «сказала сама себе Марта. Она цеплялась за свое разумное восприятие действительности из всех сил. «Нет. Мне не за что его благодарить. И эту старуху помешанную на деньгах, тоже благодарить не за что. Я попала в ловушку. Я ничего не понимала, а теперь должна выбираться. Но пока не знаю как. Это какое то сборище одержимых маньяков. А может и сумасшедших. Все, что мне остается сейчас, это быстро отработать и свалить из этого вертепа.» Поток мыслей, раздражения на саму себя так захватил ее, что она споткнулась на лестнице и выронила сумку. Сумка звеня всей коллекцией значков, скатилась вниз по ступенькам. Девушка села и расплакалась. Она так давно не плакала, что ее саму удивили эти бессильные слезы.

«Ты ушиблась?. Я наблюдаю за тобой уже два часа и не понимаю, что происходит?.

Ник собирал ее сумку из которой на на дубовый паркет высыпались тетради, ручки и новенький ключ от квартиры. Она даже не заметила, что Лис пошел за ней. Сегодня она вообще никого не замечала. “ Ты можешь просто сказать мне что случилось? Я не узнаю тебя Вдруг именно я могу тебе помочь?!» Снова повторил он заглядывая ей в глаза. В его ореховых глазах была такая искренняя, неподдельная тревога, что Марте хотелось плакать еще больше. Понимание, что она совершенно одна перед лицом непреодолимых препятствий, убивало ее. Она сидела на ступеньке, а он как рыцарь стоял перед ней на коленях с ее сумкой в руках.

Марта вытерла слезы рукавом и посмотрела в его встревоженное лицо. Это очень поэтично, решила она и даже слегка улыбнулась. Она вспомнила их поцелуи, но это было где где то далеко. Там, где она была она, а не служанка Вероники Львовны. Никита казался ей слабым и случайным в потоке ее жизни. Мимо спускались и поднимались, студенты, препы, и все обходили их стороной, пожимали плечами и перешептывались. По большому счету всем наплевать на меня. -решила девушка.

Никита протянул ей руку- Пойдем, съедим, что нибудь “. Когда они вошли в «Буфет», минуя раздачу со щами, Марта увидела гору бутербродов с колбасой выложенных гигантской горкой на пластиковых подносах. Марту замутило. Она подошла к буфетчице и пытаясь разглядеть на витрине, что то более съедобное и обреченно спросила;

– Это все? Только бутерброды сегодня? Высокая буфетчица в мятой наколке на блеклых светлых волосах обернулась к Марте и скучно ответила :

– Еще пирожки. Вчерашние.

– Хорошо, давайте пирожки и кофе.

– Кофе не подвезли. Есть компот.

Марта посмотрела на на буфетчицу. В пустых бледно голубых глазах той она заметила насмешку. На бейджике «девушки» было написано кривым почерком “ Валя».

– Валя, а шницелей нет? Вчерашних, – без улыбки и очень серьезно спросила девушка вглядываясь в «мятое» лицо буфетчицы,.

– Собакам отдали -ответила Валя и подвинула к Марте тарелку с пирожком и стакан с компотом. С вас тридцать пять копеек. Марта не поднимая головы, вытащила свернутый рубль, бросила на блюдце и уселась рядом с Ником который доедал уже явно не первый бутерброд. Своим аппетитом и жизнерадостностью он, сейчас напомнил ей щенка – подростка.

«Хороший ты парень, Никита, но помочь мне, наверное не сможешь» – подумала Марта жуя пирожок.»

– Слушай, Мартиника, мне надоело тебя спрашивать, может расскажешь, мне в чем дело. Я вижу, что ты стала другая. Ты боишься чего то? Я не лох. Давай обсудим. Никита многозначительно вытаращил глаза, но особого доверия у девушки не вызвал. При всей симпатии к парню, она не хотела описывать свои странные истории с хозяйкой и племянником. Было в этой истории, что то нереальное и какое то подозрительно порочное, при всей респектабельности героев. По честному девушке нравилось это прозвище «Мартиника», странное для светлокожей прибалтийки с пепельными волосами, но в этом слове она чувствовала, что то драйвовое, что то для настоящих морских приключений.

– Нет во мне ничего странного, почти прошептала Марта. стараясь не смотреть на Никиту, – Все нормально. Так. Кое какие проблемы с хозяйкой квартиры. Она не доела холодный пирожок, допила компот большими глотками и сразу встала, показывая Никите, что разговор окончен. Беспокойство и раздражение захватило ее.

– Слушай, Ник, сегодня у меня семинар, новый преп, какой то, а у меня это профилирующая дисциплина. Я пойду, сказала она не зная как отделаться от Никиты. Она понимала, что когда то она дала ему надежду, на что -то, но это была просто веселая вечеринка. И все. Она вошла в тот мир где такие правильные «Никиты «не приживались Он смотрел с жесткой обидой. Взгляд его стал холодным и высокомерным. Как когда то при первом их знакомстве. Она развернулась и пошла к выходу.

– Девушка, – сдачу забыли. Мы люди честные, нам чужого не надо. Буфетчица Валя хрипло кричала ей вслед. Марта вспомнила про сдачу с мятого рубля и рассердившись на свою рассеянность вернулась в буфет. На тарелочке для сдачи лежала горка мелочи. Сплошь из двухкопеечных монет для телефона-автомата.

Пронзительный звонок застал ее уже на подходе к третьему этажу. Дисциплина в институте был строгая. Прогулы, опоздания все это лишение, не только повышенной стипендии, но и обычной, копеечной, для» хорошистов». «А мне нужна повышенная» и тут Марта рванула через две ступеньки. Почему время несётся сегодня как я? через две ступеньки? Я первый раз повсюду опаздываю, крутилось у нее в голове. Бежать ей было почему то тяжело, а медяки в кармане жалобно позвякивали. Тридцать два рубля и пятак весили не меньше двухсот граммов. Пробегая по узкому коридору она заметила, что очереди к телефону -автомату нет и сейчас самое время позвонить. Искушение было велико. Повышенная стипендия в пятьдесят рублей, Аудитория №5 или дополнительный доход? “ Я как истинный гражданин выбираю будущее», усмехнулась Марта и толкнула дверь аудитории.

В маленькой комнате, за старыми партами крашенными рыжей масляной краской, собрались будущие историки культов и религий. Студентов было немного. Тема опасная, можно и не защититься на курсе, если правильно не процитировать. великих вождей обличающих такое мракобесие во всех своих собраниях сочинений. Вот Никита не стал записываться на этот курс, выбрав более безопасную «Историю СССР». “ Умный мальчик», думала, Марта. Перспективный жених если еще и комсоргом будет, то далеко пойдет.»

Курс «История культов и религий. выбранный Мартой, был экспериментальным. Он включен был в программу неожиданно, сразу после сентября, и заранее объявлен не был. За три месяца на курсе чехарда преподавателей без четкой программы превратило научный курс в клуб по интересам, а семинары превратились в болтовню ни о чем и приятное времяпровождения для любителей эзотерики.

Марта, очень любила все эти тайны, загадки истории, наполовину выдуманные, наполовину запрещённые. Она приходила на семинары как на собрание тайного общества. Она чувствовала себя потомком магов, историком души под прикрытием советского института. Компания, подобралась небольшая, но отличная. Три девчонки, все из Москвы и двое ребят Олег Ярошенок из Воронежа и высокий красавец молдаванин Димон Григориу. Она часто болтала

с ним и с Никитой. Он был ее помощником и тенью ни разу ни взявшим даже ее за руку.. Он казался таким по южному открытым. Голубые глаза, очень редкие для молдаванина цвет, и вместе с черными как вороново крыло волосами смотрелись великолепно. Его сразу прозвали Григ, хотя он вряд ли был знаком с творчеством великого композитора. Григорию -это сложно, а григ это супер.

Сейчас Марта протискивалась между стульями, говорила «приветы», но жестко думала – «Если бы ночью кто нибудь из них снял телефонную трубку и вытащил меня из этой истории, цены бы вам не было». Рядом с москвичками, явно прошедшими " вне конкурса» и живущими с родителями она чувствовала себя нищей пацанкой. Поэтому она села на заднюю парту рядом с безопасным Олегом. Марте нравились такие ботаники, тихие, очкастые и безопасные. Люди без пола, как ей казалось, с ними можно болтать как с подружкой, а можно вообще не болтать.

Аудитория №5 была настолько маленькая, что в ней помещались только пять столов, один из которых предназначался профессору. Ему предназначался и стул с бархатной обивкой, неограниченная власть, и коричневая доска на стене.

– Кристова, как я понимаю? Прийти вовремя для вас, вероятно, очень трудно?

Марта вздрогнула от неожиданности и плюхнувшись на шаткий стул наконец разглядела профессора. Сначала она увидела огромный кожаный портфель перевязанный веревками занимавший половину профессорского стола Потом блестящую лысину, а потом и сам преп вышел из-за портфеля и недовольно посмотрел на Марту. Если вы хотели знать как выглядел Черномор из Руслана и Людмилы ", то вот, это был он.

– Извините, пролепетала удивленная девушка. Она снова встала и громко представилась – Кристова Марта Андреевна, курс первый, группа третья.

– На первый раз прощаю. -милостиво махнул рукой профессор.

Роста он был ниже среднего, лысоватый, с аккуратной бородкой. В обычном сереньком профессорском костюме, но его постоянно двигающиеся пальцы, были унизаны необычными кольцами. Казалось, что профессор играет на каком то музыкальном инструменте с необыкновенной скоростью. Такого Марта никогда не видела. Она посмотрела на коллег и заметила, что все прячут улыбки и стараются не показать как забавен и смешон этот маленький человечек. Светик передала ей записку с соседней парты,«Клоун какой то! Давай шутить?»

– Товарищи студенты, прошу внимания! -торжественно воскликнул профессор.

Меня зовут Тьмутоканский Игорь Ильич. Я ваш новый преподаватель курса " История культов и религии». Не знаю что вам тут до меня рассказывали, но по списку тем я вижу, что не было никакой системы. Это безобразие будем справлять ибо до зачетов и сессии осталось меньше месяца. Профессор говорил быстро. Возмущение его было безмерно, безусловно и грандиозно. Он мгновенно захватил внимание своей небольшой аудитории и студенты открыв рот слушали И.И.. Этот маленький человек с первой минуты проявил такую харизму, такой авторитет, что не только Марта была удивлена, но Светик с подружками не могли отвести от него взгляд.

– Сегодня, дорогие мои, мы проверим ваши основные знания, и приступим к системному изучению предмета. Игорь Ильич быстрым движением, достал очки из нагрудного кармана и потянув за веревочку, развязал сложный узел на огромном портфеле. Очки он надел на нос одновременно извлекая из портфеля длинную учительскую указку и папку с большими листами.

Марта не могла не смотреть на его движения, слова, предметы которые он ловко извлекал из портфеля. Все это напоминало ей точные жесты фокусника, который удерживает внимание не давая зрителям расслабиться..

– Наш мир предметен. И если вы думаете, что культы и вся эта ваша религия беспредметны, то вы ошибаетесь, продолжил Тьмутоканский.

– Весь наш мир осязаем,, а вот управление этим миром предметов зависит от многих ключиков. Эти ключики люди и назвали религией, культом и другой всякой ерундой.

Светик, прыснула смешком, -Мы атеисты и комсомольцы. Религия одурманивание и опиум народа.

Тьмутоканский на минуту остановился и посмотрел на душку Светик, как на последнюю дуру.

– Барышня. Извините, что я так по старинке обращаюсь к комсомолке, но возник вопрос; «Зачем вы здесь?», отрицать все можно и на других семинарах. Есть такой журнал “ Наука и религия» и его Основатели знали, что говорили.

Светик заткнулась и улыбка сама собой сползла с ее лица. Игорь Ильич понял, что он выиграл, усмехнулся в усы и продолжил говорить. Марта не сводила с него глаз и видела, что и все остальные замерли как под гипнозом. Из бездонного портфеля, профессор достал портсигар с абсолютно блестящей, начищенной до зеркального блеска поверхностью, Плоскую фляжку, обтянутую кожей, с огромными буквами «St-G» и маленькие песочные часы с фонариком на крышке.

– Так вот, -что вы знаете о Боге и о том как человек его создал? Вам объяснили как создаются культы? Все эти истории о обожествлении природы вам уже известны? Так вот в основе этого всего лежат предметы, которые можно потрогать руками. Луна как предмет, и культ Луны и предмет Луны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.